

СЕРГЕЙ
ОСИПОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ДЕМОНЫ ВНЕ РАСПИСАНИЯ

Сергей Осипов

Демоны вне расписания

Серия «Сны в высокой башне», книга 1

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154446

Демоны вне расписания: Эксмо; М.; 2007

ISBN 5-699-20058-4

Аннотация

Став невольным свидетелем ужасной гибели оперативников загадочной спецслужбы, студентка Настя попадает в круговорот смертельно опасных событий. Она даже вообразить не могла, что, кроме людей, на Земле живет множество древних рас, ведущих непрерывную и ожесточенную борьбу за власть. Настя вынуждена стать агентом таинственных силовых структур, но все внезапно переворачивается, когда по штаб-квартире ее отдела наносит сокрушительный удар неведомый противник...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
1	9
2	15
3	21
4	31
5	35
6	39
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	46
1	46
2	56
3	61
4	65
5	73
6	77
7	80
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	85
1	85
2	91
3	94
4	100
5	106
6	111
7	114

8	118
9	122
10	124
11	126
12	134
13	140
14	144
15	151
16	156
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Сергей Осипов

Демоны вне расписания

В отеле «Оверлук» по ночам холодно. Я лежу, завернувшись в два одеяла, как в кокон, и заранее поеживаюсь от неизбежной необходимости вылезать наружу. Звонить администратору и жаловаться на холодные батареи бессмысленно, потому что офис администратора пуст. Все офисы в этом здании пусты. Если честно, то и номера тоже почти все пусты. Нас только двое в этом отеле – я и Иннокентий. Он поселился на двадцатом этаже, потому что привык поглядывать на мир чуть свысока. Я – на третьем, потому что сюда без перебоев доходит вода и потому что меня пугает возможность поломки лифта.

Само собой, «Оверлук» строился не для нас двоих. Само собой, когда люди сначала проектируют, а потом возводят двадцатиэтажную башню на четыреста с лишним номеров, они предполагают, что кто-то в них заселится. Если не во все четыреста, то хотя бы в половину. Хотя бы в третью часть. Хотя бы в пять номеров. Но нас тут только двое, поэтому весь персонал распуцен по домам, а отопление отключено еще в феврале. Поэтому я чувствую себя как одинокий, забытый всеми призрак в безлюдной башне из стекла и стали.

Впрочем, иногда здесь встречаются другие люди – они не

живут в гостинице, но зачем-то появляются на нижних этажах. Они двигаются быстро и молчаливо, не обращая на меня никакого внимания. Потому и они тоже похожи на призраков. На меня обращает внимание только король Утер – он сдержанно кивает мне, когда мы сталкиваемся в вестибюле. Обычно я стою перед автоматом по продаже шоколадных батончиков и предаюсь тягостным раздумьям насчет выбора кнопки, а Утер в это время своей прихрамывающей походкой пересекает холл в направлении гостиничной библиотеки. Разумеется, библиотека тоже пуста, и королю приходится самому бродить мимо высоких стеллажей, разглядывать названия на корешках и даже карабкаться по стремянке, чтобы вытащить с верхней полки пыльное жизнеописание какого-нибудь пыльного римлянина. Пока Утер этим занимается, снаружи, у дверей гостиницы терпеливо ждет королевский секретарь. Когда Утер с парой выбранных книг выйдет из отеля, секретарь немедленно зафиксирует их названия в своей электронной записной книжке. Позже это войдет в биографию Утера, которая будет опубликована после его смерти. Вероятно, это будет весьма многословное издание – к примеру, биография короля Леонида занимает шестьдесят четыре тома, хотя король Леонид не сделал ровным счетом ничего выдающегося: он жил, ждал, не дождался и умер. Я ничего не имею против покойного, но есть в этом какая-то несправедливость – ведь довольно бурная жизнь короля Лазаря уместена всего

в два тома, а вся достоверная информация о короле Томасе умещается на дюжине страниц – и это чертовски несправедливо, ведь именно с Томаса все и началось. Наверное, дело в том, что у Лазаря (который жил двести лет назад) и Томаса (пятьсот, если не ошибаюсь) не было личных секретарей, а если и были, то без электронных записных книжечек. Я также думаю, что у королей прошлого было слишком много дел, чтобы заботиться составлением подробных отчетов об этих делах. Да и перед кем им было отчитываться? Перед бухгалтерией? Не думаю.

И вот король Утер с сосредоточенным видом выходит из отеля с очередной парой толстых книг, как будто бы эти книги помогут ему исправить положение дел. Но ведь ни двенадцать страничек о Томасе, ни тома о Лазаре, ни все шестьдесят четыре фоллианта о Леониде не помогут Утеру. И я не помогу. И даже Иннокентий. Потому что слишком уж все неправильно идет в последнее время. Начнем с того, что вообще-то король не должен появляться в отеле, даже если тот находится в сотне метров от королевской резиденции. Он вообще не должен покидать пределов своего так называемого замка – в этом его миссия. Он должен ждать и надеяться, что не дожидается. То, что король Утер почти ежедневно нарушает священную традицию, – уже верный симптом неправильного хода вещей. «Мир оступился, – говорит по этому поводу Иннокентий. – И на следующем шаге он может запросто сломать ногу. А потом

грохнуться и свернуть себе шею».

Это не очень веселая перспектива, но, честное слово, она не зависит от того, сидит король Утер безвылазно в Большом зале своего дворца или бродит в сопровождении секретаря по изрядно опустевшей столице. И, должно быть, ему очень печально сознавать, что после всех этих лет мир идет своей дорогой, а король Утер – своей. Я поняла это, когда увидела семейный склеп королевской династии – меня сводил к нему Иннокентий. Это очень печальное зрелище. Я даже, наверное, поплакала бы там, если бы знала лично кого-то из сотен похороненных там мужчин и женщин. Но я их не знала. Я только видела место, приготовленное в склепе для Утера. Ему недолго оставаться пустым. И вот тогда я буду реветь, потому что знаю короля Утера, он едва заметно кивает мне, пересекая гостиничный холл. И это его способ пожаловаться мне на несправедливость мира. У меня есть свой способ. Я расскажу вам историю. Как это там обычно начинается – жили-были? Пили-ели? Спали-врали?

Нет, пусть начинается вот так.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ШЕСТОЕ СЕНТЯБРЯ, ИЛИ ПРОЩАЙ, ЖЕСТОКИЙ МИР

1

Её трясло словно в лихорадке всю дорогу до шестьдесят девятого километра, а потом она по-дурачки просто упала с мотоцикла. Тот поехал себе дальше, словно вдруг обрел собственный разум, и у этого разума были собственные далеко идущие планы. На Настю, лежащую в грязи, он плевать хотел.

От удара о землю Настя на пару секунд задохнулась и перестала реветь. Потом она нашла свои руки – одну, вторую. Потом – ноги. Собрала все это вместе и оторвалась от жесткой и грязной обочины.

Тем временем мотоцикл въехал в придорожные кусты и возмущенно затрещал.

Настя села на землю, сняла шлем и заревела в голос. В этот момент пошел дождь, и вскоре Настя обнаружила, что сидит в грязной луже, размазывая грязными руками по лицу

слезы. Для полного комплекта не хватало только точечного разряда молнии в ее глупую и невезучую голову. Все остальное с ней уже случилось.

Настя рукавом вытерла лицо, шмыгнула носом. Мотоцикл где-то в кустах хрюкнул и замолк окончательно.

– Ну ты и скотина! – сказала ему дрожащим голосом Настя. Костерить себя она уже устала. – Что я теперь буду делать, а?!

Все еще хлюпая носом, она кое-как поднялась с земли и огляделась по сторонам.

– Черт.

Исцарапанный и погнутый дорожный указатель торчал из земли в паре десятков метров по правой стороне дороги, и теперь ей было понятно, что надо делать. Настя стерла влажную грязь с мотоциклетного шлема, другой рукой подтянула лямки рюкзака и стала спускаться. Через пару шагов нога скользнула по глине, Настя потеряла равновесие, грохнулась на спину и проехала по мокрой земле метров шесть-семь. Потом она сумела ухватиться за торчащий из земли корень.

Корень при тесном контакте оказался гнутой металлической проволокой. Настя посмотрела на расцарапанную до крови ладонь и снова всхлипнула – что ж, все идет по плану. Все так и должно быть.

В полукилометре от дороги, рядом с кирпичными развалинами какого-то сельскохозяйственного сооружения, виделось *это*. Имея больное воображение, можно было поду-

мать, что это огромный червь метров ста в длину высунулся на поверхность и там сдох – и оброс со временем травой и мелким кустарником. Люди более практичные знали, что это старые армейские подземные склады и что уже лет двадцать как из этих складов вынесли последнюю банку тушенки и последний комплект общевойскового защитного костюма, в резиновых штанах от которого так славно ходить на рыбалку.

Однажды Настя уже была здесь. Однажды ей уже было не по себе от запаха сырости в темном коридоре и от звуков, стелившихся вдоль холодных стен.

Настя посмотрела на склады и поежилась. Возвращаться туда было страшно, но возвращаться было необходимо.

Настя стала мелкими шажками спускаться дальше, и когда ее ноги ступили наконец на ровную почву, рюкзак за плечами вдруг пошевелился. Настя остановилась и стиснула лямки рюкзака. Плечи и шея как будто онемели.

За всеми прочими своими немаленькими неприятностями она как-то подзабыла, что тащит за спиной вовсе не мешок с подарками.

Я ничего этого не хотела. Ничего. Но моя беда в том, что, когда нужно делать выбор, я всегда ошибаюсь. Всегда. Попробуйте ошибиться тысячу раз подряд, и вы окажетесь ровно в том же месте, что и я. В неправильном месте, с неправильными людьми с неправильным представлением о себе и обо всем, что вокруг. Неслабо, правда?

Только я на этом не остановилась. Я пошла дальше. И

как вы думаете, сделала ли я хоть раз правильный выбор? Хотите, поспорим? Ну? Не бойтесь, со мной очень выгодно спорить.

Три, два, один. Один, два три. Кажется, так. А если нет? А если у нее отшибло память со всеми этими падениями? Если это ошибка?

Ну и что? Где уже есть куча ошибок, там и еще одна не пропадет. Что она теряет? Что, черт возьми, она теряет?! Ничего. Потому что все уже и так потеряно.

Настя сжала пальцы в кулак и стукнула в железную дверь. Три раза. Потом два. Потом еще один. И теперь в обратном порядке.

Она стучала так старательно, что руке стало больно. Настя подставила ладонь под дождь, и капли застучали по коже, обволакивая руку коконом холодной влаги.

Настя ждала этого, но все равно вздрогнула, когда с грохотом стали отходить засовы, когда стали поворачиваться механизмы больших надежных замков.

Потом большая тяжелая дверь чуть подалась назад и из образовавшейся щели кто-то хрипло проговорил:

– А-а... Знакомая физиономия.

Это, наверное, была шутка. Потому что на голове у Насти сидел непроницаемый темный шар мотоциклетного шлема (чтобы не видны были темные дорожки слез), и Ключник мог видеть лишь собственное смазанное отражение в шлеме, а точнее, свое небритое, обрюзглое лицо с приплюснутым но-

сом как самым заметным элементом.

– Проходи, – сказал Ключник, приоткрыв дверь пошире.

– Вы меня узнали?

– Ни хрена не понимаю, что ты там бубнишь. – Ключник бесцеремонно втоптал Настю внутрь. – Сними эту дуру с башки!

Она послушно сняла шлем. Ключник посмотрел на нее мельком и, как ей показалось, пренебрежительно.

– Вы меня узнали? – повторила Настя.

– Еще бы, – хмыкнул Ключник, толкая дверь плечом. – Я же не слепой... И у нас тут народ толпами не гуляет... Все люди наперечет...

Дверь захлопнулась, и наступила темнота, которая не помешала Ключнику быстро справиться со всеми замками и засовами.

Потом он схватил Настю за локоть.

– Пошли.

Она уже второй раз шла по длинному холодному коридору, и этот второй раз был таким же страшным, как и первый. Настя старалась не думать о том, кто же издает эти звуки – прокрадывающиеся в уши, не смолкающие ни на секунду шуршание и скрежет.

– Крысы, – любезно пояснил Ключник, уверенно вышагивая вперед. – Совсем распоясались, гады.

Что-то хрустнуло под ногами, и Ключник на ходу пробурчал:

– Потому что надо уступать дорогу старшим...
Настя глубоко вздохнула.

2

Однажды вечером я решила навести порядок в своей жизни. То есть написать завещание. Не то чтобы я собиралась после этого сигануть с балкона... По крайней мере, не в тот день. Может быть, как-нибудь попозже, на неделе. Я взяла чистый лист бумаги, ручку, задумалась... Короче говоря, из этой затеи ничего не вышло. Моя жизнь не могла быть организована даже на бумаге.

Тем более я представила, что когда люди прочитают завещание, то начнут говорить в мой адрес что-нибудь типа: «Ну и дура!» А я-то им уже ничего ответить не смогу. И это всегда неприятно. Я представляла, что стою где-то там, в раю, вся такая в белых одеждах, как за звуконепропускаемым стеклом, стучусь в него и ору сверху, с неба... Но никто из живых меня не слышит.

А потом мне объяснили, что и неба-то никакого нет, и белые одежды мне не светят. Так что затея потеряла всякий смысл. Насчет неба меня просветил Иннокентий – кто же еще? Помню, он сидел в кресле в своем номере на двадцатом этаже, запрокинув голову и прикрыв глаза так, что было непонятно – спит он или же просто выражает презрение к окружающим. В роли окружающих была я.

– Кеша, – спросила я, – а рай есть?

Он вздохнул, и около рта возникло облачко пара. С оттоп-

лением, напомню, мы простились в феврале. Я сижу в трех свитерах, а этот мерзавец – словно на пляже в бархатный сезон.

– Рай, – сказал Иннокентий скрипучим голосом привередливого учителя, – это художественная литература. Как и ад.

– Ты уверен?

– Понимаешь, было бы смешно, если бы я вдруг заинтересовался вопросами жизни после смерти. Мне-то ведь это совсем ни к чему. Но я встречался с парой специалистов, и они мне объяснили, что и как.

– То есть? – спросила я.

– Даже не надейся.

– Никаких райских садов? Никаких белых одежд? Никакой райской музыки?

– Жаль тебя расстраивать, но...

– Вот дерьмо-то, – наверное, слишком эмоционально сказала я. Иннокентий повернулся ко мне и сочувственно улыбнулся. Однако утешили меня не его ровные белые зубы, а то, что я мимоходом поймала Иннокентия на вранье. Точнее, на приукрашивании действительности. Он сказал, что встречался с парой специалистов по вопросамрая и ада, а это ведь брехня, потому что встречался он только с одним специалистом. Других просто нет.

Вранье это было таким бессмысленным, почти детским, что я не выдержала и спросила:

– Кеша, зачем это тебе было нужно?

– Привычка, – коротко сказал тот.

Его привычкой было пускать пыль в глаза юным девам (я подхожу под это определение весьма относительно, но Кеша не формалист); моей привычкой было стучаться в неправильные двери.

Что характерно, мне всегда открывали.

Белая точка покачивалась в темноте, как свихнувшаяся звезда. Ключник поймал лампочку, которую раскачивал сквозняк, и придержал ее, пока Настя проходила дальше по коридору.

– Уже скоро, – сказал он.

Ключник не обманул. Через десяток шагов тьма, запертая в стенах узкого коридора, стала расплзаться и заполнила собой большой подземный зал. Настя вспомнила это место.

Ключник зажег свечи. Их было много, и, пока Ключник все щелкал и щелкал зажигалкой, Настя взяла одну из свечей в старомодном металлическом подсвечнике и подошла к стене.

Это была такая же холодная кирпичная стена, как и все остальные, с одним лишь отличием. Почти сплошным слоем ее покрывали листки бумаги разных размеров, разных цветов, с надписями на разных языках. На большей части этих листков были изображены лица, большие и маленькие, цветные и монохромные, фотографии, рисунки и даже выдранные из книг листы.

Иногда это были вполне обычные человеческие лица. Иногда не вполне человеческие. А кое-где попадалось то, что вряд ли можно было назвать лицом.

Настя подняла свечу повыше и медленно пошла вдоль стены. Она прошла почти вдоль всей стены. Потом остановилась и двинулась обратно. Снова остановилась, протянула руку и сдернула листок со стены.

– Вот это, – повернулась она к Ключнику. Тот пожал плечами. Это уже было не его дело.

Настя дала ему листок, но Ключник не отреагировал, и Настя растерялась. Выходит, она что-то забыла. Она опять что-то сделала не так.

От досады она едва не смяла листок и не бросила его под ноги, но тут кто-то мягко разжал ее пальцы, вынул листок и положил его на стол в перекрестье световых кругов свечей.

– Ты уверена? – проговорил шелковый голос, от которого Насте вдруг захотелось спать. Она подняла отяжелевшие веки и все же посмотрела перед собой.

Высокий худой человек стоял возле стола и разглаживал ту бумажку, которую Настя сняла со стены. Он кутался в нечто длиннополое и темное, то ли в рясу, то ли в плащ, походя оттого на темно-серый столб, увенчанный неожиданно бледным овалом лица. Глаз его не было видно, вместо них на лице высокого мужчины чернели круглые стекла очков.

Настя сняла с плеч рюкзак и протянула высокому мужчине.

– Ну что же, посмотрим, – сказал тот.

Лицо его не изменило выражения, зато руки будто удлинились, стали проворными и умелыми. Они приняли рюкзак, чуть подбросили его, взвешивая, а потом пальцы стали мять ткань рюкзака все быстрее и быстрее, перемещаясь по бокам рюкзака, словно по клавишам аккордеона.

Ключник смотрел на эту процедуру исподлобья, ожидая вердикта. Настя смотрела, закусив губу. Ей показалось, что на какой-то миг ладони высокого человека полностью ушли в рюкзак, пройдя сквозь ткань. Но это невозможно, одернула она себя.

Именно в этот неподходящий момент Настя вспомнила, что ей надо сказать кое-что важное. Это стоило сказать в самом начале, только переступив порог и увидев уродливое лицо Ключника. Но она этого не сделала – само собой. Она была напугана до такой степени, что все до единой мысли сжались в микроскопический комочек и забились в дальний угол ее мозга. И, наверное, стоило сказать это сейчас, наверное, она еще не совсем опоздала с этими своими словами...

– Все правильно, – сказал высокий и бросил рюкзак Ключнику.

Настя облегченно вздохнула.

– Слушайте, я...

– Ты получишь все, что положено.

– Я хотела сказать, что...

Ключник громко кашлянул, что, наверное, означало пред-

ложение заткнуться. Но поскольку сначала Настя не вовремя промолчала, теперь она не вовремя говорила. И с этим ничего нельзя было поделать.

– Мне нужна помощь, потому что тот парень, вы помните... С которым я приходила... Кое-что случилось, и теперь...

Ее оборвал ласковый голос высокого человека – и Насте вдруг расхотелось говорить. Словно обрубали кабель, по которому слова поступали на язык.

– И теперь, конечно же, ты получишь и его долю тоже.

Настя стояла с открытым ртом, а высокий человек медленно удалялся, будто плыл по холодному бетонному полу.

Внезапно сонливость снова отпустила ее. Слова, которые секунду назад исчезли из ее головы, вернулись, но говорить их было уже некому. Рядом стоял Ключник и неодобрительно качал головой.

– Понимаете, – повернулась к нему Настя, – я ведь не про деньги...

Ключник протянул к ее лицу широкую темную ладонь, и Настя поспешно отшатнулась – этим жестом Ключник напомнил ей о простой вещи: она одна среди чужих людей в темном подвале. Никто об этом не знает. Никто ее здесь не найдет. Никто не услышит ее крика.

– Не суетись ты, – сказал Ключник. – Они этого не любят.

3

Если бы я взялась составлять топ-лист собственных глупостей, то визит на заброшенный армейский склад заслуженно находился бы в первой тройке. Я совершенно не понимала, что это за место, что там за люди и чего мне от них следует ждать. То есть у меня были кое-какие предположения. Но они оказались настолько далеки от истины, что сейчас даже смешно вспоминать.

А самое смешное – я ожидала найти там помощь. Это было настолько же верное рассуждение, как если думать, что канистра бензина погасит разгорающийся пожар.

Я могла бы сказать в свое оправдание, что была слегка не в себе после падения с мотоцикла и особенно после того, что случилось ранее... Но какой смысл в оправданиях? И перед кем мне оправдываться? Разве что перед Ключником. Он не сделал мне ничего плохого.

Он не успел.

– Они этого не любят, – сказал Ключник.

Настя и не догадывалась, что местоимения множественного числа могут быть такими пугающими. Комната с тремя дюжинами высоких толстых свечей казалась теперь знакомой и едва ли не уютной – потому что за пределами этой комнаты могло быть все, что угодно. Километры тоннелей, уходящие вниз лестницы, бездонные шахты... Самое место,

чтобы там завелись какие-нибудь жуткие *они*.

Для собственного спокойствия Настя решила, что Ключник имел в виду крыс.

В этот момент неподалеку громко хлопнула дверь. Настя вздрогнула, а Ключник недовольно пробурчал:

– Идет... Идет и не торопится, придурок...

Шаги раздались с той же стороны, где скрылся высокий мужчина с бледным лицом, и Настя решила, что вот сейчас она снова попытается сказать свои необходимые слова. Даже несмотря на широкую ладонь Ключника.

– А что это вы в темноте сидите? – спросил кто-то. – Свет разве нельзя включить? Каменный век какой-то... О-о...

Последнее замечание относилось персонально к Насте. А произнес его молодой парень, который смотрелся посреди этого мрачного балагана со свечками неестественно нормально.

– Давайте включим свет, а то девушка уже посинела от страха, – великодушно предложил парень, который в обычной жизни мог быть менеджером по продажам в компании средней руки. Может быть, он и здесь был менеджером по продажам, только что он тогда продавал – Настя терялась в догадках.

Ключник что-то недовольно проворчал про гнилую проводку, но все же клацнул выключателем. Раздался треск, а потом нехотя стали загораться люминесцентные светильники, закрепленные на стенах. Мрак от этого не исчез оконча-

тельно, он просто отполз в углы и в коридоры, но Настя все же почувствовала себя поспокойнее. Теперь она видела стены, видела начала коридоров, видела стоящие на полу большие старые весы с чашками.

Ключник болезненно прищурился, хотя свет не был таким уж ярким, и показал молодому человеку рюкзак.

– Понятно, – отреагировал тот. – Значит, оформляем девушку. Только давайте по-быстрому, у меня времени по нулям...

На поясе у молодого человека был мобильник, и это чрезвычайно взбудрило Настю. С этим человеком наверняка можно было объяснить. Ключник и тот длинный были явно не в себе, к тому же Настя их боялась. Менеджеров по продажам Настя, в принципе, тоже побаивалась, очень уж это были самоуверенные и настойчивые ребята, но по крайней мере это был знакомый страх. Страх со стажем.

«Менеджер» присел на корточки перед весами, удовлетворенно хмыкнул, поднялся и сделал какой-то знак Ключнику.

– Молодой человек, – сказала Настя. – Послушайте меня, пожалуйста...

– Девушка, я вас послушаю, только попозже. Вы разве не видите, я занят?

Настю эти слова порадовали. «Менеджер» говорил нормальным человеческим языком. С ним можно было иметь дело.

– Мой парень, с которым я...

– С чем вас и поздравляю, – перебил ее «менеджер». – Девушка, разве я непонятно говорю? Мы тут дела делаем, а не рассказываем друг другу истории про парней.

Настя растерянно замолчала. Наверное, не надо было говорить «мой парень». Она задумалась, как ей по-другому сформулировать свою проблему...

– Так, – деловито сказал «менеджер». – Девушка!

– А? – запоздало среагировала Настя.

– Алё, я к вам обращаюсь. Послушайте, пожалуйста.

– Что?

– Я не могу вам по десять раз одно и то же объяснять. Будьте внимательнее, сначала бизнес – потом парни, – тут он Насте подмигнул и на секунду снова стал для нее нормальным живым человеком, с которым можно договориться. Но в следующую секунду Настя решила, что такое подмигивание, вероятно, входит в его обязанности по работе с клиентами – слишком уж мимолетным и механическим оно выглядело. – Итак, сегодня у нас следующие расценки... – говорил между тем «менеджер».

Ключник вытолкнул из коридора в комнату тележку с широкой основой, вроде тех, с которыми управляются носильщики на вокзалах. На тележке стоял металлический ящик.

– Вот. – «Менеджер» не без усилия приподнял крышку ящика. – Натуральные испанские дублоны. Семнадцатый век. Подлинность гарантирована сертификатом.

Настя в растерянности смотрела" на темные от времени монеты. Вот этого она не ожидала. Значит, все дело было в деньгах? Значит...

– Девушка, давайте в темпе. – «Менеджер» посмотрел на часы. – Что вас смущает?

Настю смущало слишком многое. И дублоны тут были ни при чем. Но кое-кто считал по-другому.

– Девушка имеет право на каприз, – тоном любящего дядюшки у постели больной племянницы прошелестел тот высокий и бледный, в темном балахоне. Или это было пальто? Настя не могла толком это понять, потому что высокий лишь чуть выдвинулся из полутемного коридора.

Но этого «чуть» и этого голоса хватило, чтобы зубы у Насти начали постукивать друг о друга. Она опустила глаза и стала с преувеличенным тщанием изучать свой мотоциклетный шлем.

– Долларов у нас, конечно, не водится, – ласково шептал высокий. – Но разве у нас не осталось тех замечательных алмазов? Девушки любят алмазы...

– Нет, не осталось, – сухо сказал «менеджер». – Есть дублоны, больше ничего предложить не могу...

Телефонный звонок прервал его. Не синтетические позывные мобильного, а похожий на трель музыкальной шка-тулки звук старомодного аппарата с дисковым набором.

– Извините, – сказал высокий и исчез. Насте показалось, что «менеджер» облегченно вздохнул.

– Давайте в темпе, – предложил «менеджер» и запустил ладонь в ящик с монетами. Ключник небрежно бросил рюкзак на чашу весов.

«Ладно, – подумала Настя. – Сначала пусть они закончат с деньгами – для них это, наверное, очень важно, – а потом я им скажу. Так будет лучше».

Это называлось самообман. Но Насте было не привыкать к самообману.

В это время «менеджер» высыпал на чашу весов третью горсть монет, а рюкзак продолжал перевешивать. Ключник зевнул.

– Так, – сказал «менеджер», недовольно взглянув на Настю. – Кажется, у нас тут маленькая проблема. Мы ведь платим за товар, но не за упаковку, так?

Ключник перестал зевать и с интересом посмотрел на «менеджера».

– Вытащи ее из рюкзака, – сказал «менеджер» Ключнику. Тот задумался, и «менеджеру» пришлось пояснить свою идею: – Чтобы был чистый вес, понятно? Без рюкзака и прочей фигни.

Ключник пожал плечами и снял рюкзак с весов.

– Подождите...

– Девушка, не мешайте нам делать нашу работу.

– Не надо этого делать! – от волнения Настю бросило в дрожь.

– Девушка, мы уж как-нибудь сами разберемся, без ваших

дурацких советов, – выдал ей механическую отповедь «менеджер». – Слава богу, не первый день работаем. Ну?

В ответ на требовательное «Ну?» Ключник развязал веревки и вытряхнул из рюкзака нечто, завернутое в целлофан.

Настя почувствовала, как к горлу подступает комок. Она подняла шлем на уровень груди, как будто хотела им отгородиться от рюкзака и его содержимого.

– Целлофан тоже сними, – распорядился «менеджер».

– Нет! – Настя даже взвизгнула.

– Да что же за день такой сегодня, – вздохнул «менеджер».

– Нельзя этого делать!

Ключник посмотрел на «менеджера», потом на Настю и презрительно скривился. А потом он вытряхнул содержимое свертка на весы.

Настя зажмурила глаза, выставила перед собой шлем и присела. Она ждала чего угодно, но... Но жизнь оказалась изобретательнее.

Через несколько секунд тягостное гудение светильников было нарушено голосом Ключника:

– Мерзопакость-то какая... Тьфу!

Настя осторожно отвела шлем от лица и выпрямилась. Мир остался прежним, ничего ужасного не произошло. Пустой целлофан лежал на полу. «Менеджер» добрасывал по одному дублону на чашу с монетами. Ключник брезгливо смотрел на противоположную чашу.

Там, освобожденный от целлофана, лежал предмет, пора-

зительно напоминавший человеческую голову. Впрочем, это и была человеческая голова. Судя по прическе, голова женщины.

– Видишь? – удовлетворенно сказал «менеджер», когда чаши весов сравнялись. – Вот и все. А ты боялась... Никто никого не покусал. Все остались живы и здоровы. И теперь ты можешь взять свои деньги... Убирай.

Эта реплика адресовалась Ключнику. Тот, не переставая морщиться, снял с чаши весов мертвую голову и подвинул к себе ногой целлофан, чтобы бросить на него неприятный предмет.

– Ха! – сказал Ключник, и это были его последние слова, потому что секунду спустя голова Ключника разлетелась, как спелый арбуз, в который угодила разрывная пуля.

Если бы кто-то наблюдал за этой сценой через увеличительное стекло, то он бы заметил:

– в момент соприкосновения пальцев Ключника и мертвой головы на щеках убитой женщины появляются маленькие розовые точки, которые затем с невероятной скоростью увеличиваются в размерах;

– все признаки трупного окоченения исчезают, ноздри едва заметно раздуваются, на виске бьется жилка;

– на месте отсекновения туловища выступает кровь, она капает на сапоги Ключника, но он не успевает этого заметить;

– полные губы женщины приобретают темно-розовый

цвет, они чуть приоткрываются, и между ними показывается кончик языка, который подрагивает и поворачивается то вправо, то влево;

– наконец веки поднимаются, и большие красивые глаза с темными зрачками смотрят на Ключника;

– Ключникне может оторваться от взгляда, от этих зрачков, ему кажется, что они все увеличиваются и увеличиваются, потом вдруг выскакивают из глазниц, впиваются в зрачки Ключника, вдавливают их ему в мозг...

– и он умирает.

Так мне объяснил Иннокентий, и у меня нет причин ему не верить. Хотя иногда он ведет себя как полный придурок.

Среди прочих полезных вещей я узнала от Иннокентия, что в обычном состоянии горгоны убивают не взглядом, а волосами. То есть тем, что растет у них на черепе вместо волос; а растут у них там юркие тонкие змейки. Можете представить, как горгоны мучаются с прической. Так вот, своим взглядом горгоны гипнотизируют жертву, а уже потом змейки впиваются оцепеневшему человеку в лицо, ну, и не только в лицо... Короче говоря, дальше горгоны пользуются человеком как хотят. Подробности этого процесса могут быть описаны одним словом: «Бр-р-р!» Так вот, если считать все это нормальной ситуацией, то в нормальной ситуации горгоны могут контролировать силу своего взгляда. В необычном состоянии – например, с отсеченной головой – все совсем по-другому. Горгона умирает, и она уже

не экономит свои силы, она выплескивает их до конца, инстинктивно стараясь отомстить всему миру за свою гибель.

– А что, – спросил Иннокентий, закончив необходимые объяснения насчет семейства горгон. – Разве ты об этом не знала? Странно. Мне казалось, все об этом знают.

Так и треснула бы ему по башке. Вот если бы еще от этого был толк. «Насилие – это не выход» – любимая шутка Иннокентия.

Насилие – это вход.

Голова – уже не совсем мертвая – выпала из рук Ключника. Повинуясь силе земного притяжения, она полетела вниз и в этом полете внезапно закружилась, как юла, обводя пристальным взглядом расширившихся зрачков весь подземный зал. Волосы сначала выпрямились, словно наэлектризованные, и устремились вверх, а потом прыгнули в стороны, будто лепестки распустившегося на мгновение жуткого цветка.

«Менеджера» силой взгляда отбросило к стене, а потом с ним случилось что-то нехорошее, отчего он заорал невероятно высоким голосом, закрыл лицо руками, но меж пальцев уже текла темная вязкая жидкость, и чем больше ее вытекало, тем чаще конвульсировал «менеджер» у стены. Потом он просто сполз вниз и замер.

Голова тем временем падает, но не на пол, а на стол. Ирония состоит в том, что падает она как раз рядом с листком объявления, которое Настя сняла со стены. На листке – портрет женщины с экзотической прической, текст на нескольких языках. Теперь слова забрызганы кровью.

Настя лежит на полу под столом. Она часто дышит, пальцы рук сцеплены. На голове у нее мотоциклетный шлем, но Настя не доверяет шлему, и она плотно зажмуривает глаза. Под ней холодный пол, от которого позвоночник превращается в ледяной столб, но то, что сверху, – еще хуже.

В этот момент она слышит шаги и теплый обволакивающий голос произносит:

– Что у вас тут происходит?

Затем наступает тишина. Настя поворачивает голову в сторону, чуть-чуть приоткрывает один глаз и через шлем видит в нескольких шагах от себя полы темного балахона. И ноги высокого человека в темном балахоне. Настю передергивает – ноги босые. Высокий бледный человек стоит босиком на жутко холодном полу. Но это не самое худшее из того, что сейчас происходит с этим человеком.

Настя слышит в наступившей тишине короткий, отчетливый звук – похоже на звук сломавшейся лыжи. Много-много лет назад школьные зимние уроки физкультуры были для Насти кошмаром номер один, потому что она до смерти боялась сломать лыжи и рассердить физрука. И, конечно же, она регулярно их ломала, приводя учителя в бешенство. Как же это было чудесно...

В двух шагах от нее на пол падает высокий человек. Из-под очков вытекает что-то темное. А бритый бледный череп от переносицы до затылка пересекает тонкая трещина. И потом он начинает менять цвет, становится серым, словно кто-то сыпет сверху пыль на мертвеца.

Настя закрывает глаза. Она вспоминает сегодняшнее утро. Она вспоминает вчерашний вечер. Она вспоминает достаточно, чтобы вернуться к одной главной мысли, которая и привела ее сюда.

И ради этого одного главного побуждения она стискивает зубы, сгибает ноги в коленях и упирается подошвами в стол. Руками берется за ножки стола, а потом с яростным воплем заставляет свои хилые девчачьи мышцы оторвать край стола от пола. Удар что есть силы ногами в деревянное пузо стола – тот переворачивается и с грохотом рушится ножками вверх.

Накрыв собой то ли мертвую, то ли живую голову с красивыми черными глазами.

Настя встает, оглядывается по сторонам и видит три тела. Настя пока не снимает мотоциклетный шлем, хотя в нем невыносимо жарко. Одна из люминесцентных ламп начинает нервно подмигивать.

Настя и без нее знает, что нужно убираться отсюда, но есть одна важная вещь... Настя не может заставить себя подойти к мертвому «менеджеру», чтобы взять мобильник, и потому она растерянно крутится посреди зала, между перевернутым столом и раскрытым ящиком с дублонами, между весами и трупами, меж догорающих свечей и темных коридоров...

И тут она вспоминает про звук музыкальной шкатулки, который отвлек высокого бледного человека. Настя смотрит в темную дыру коридора, потом хватается за свечу и решительно шагает вперед.

Метров через тридцать ее ждет приоткрытая дверь. Настя сначала толкает ее ногой, осматривает комнату из коридора, а уже потом входит внутрь.

Она снимает мотоциклетный шлем и садится на стул.

Комната действует на Настю, как укол успокоительного. Это абсолютно обычная комната без всяких мрачных сюрпризов. Какие-то пыльные стеллажи в дальнем конце. Несколько стульев. Диван с деревянными подлокотниками. Масляный обогреватель. Пыльный компьютерный монитор. Системный блок стоит отдельно в полуразобранном состоянии. Электрический чайник. Несколько чашек и пустая сахарница. И телефон. О да, он самый.

Старомодный черный телефон с дисковым набором. Высокий и бледный забыл повесить трубку, и вот она, лежит на столе рядом с аппаратом.

Настя берет трубку, нажимает на рычаг, чтобы прервать старое соединение. Потом подносит трубку к щеке и засовывает палец в круглое отверстие на диске. На секунду она задумывается, и в этот момент в ухе раздается:

– Ааргхакашлан.

Ну или что-то в этом роде. Насте это кажется похожим на шипение змеи, она поспешно бьет по рычагам еще несколько раз и снова подносит трубку к уху – но уже более осторожно.

Больше никаких «ааргхакашлан». Длинные гудки. Настя набирает номер.

Ирка Монахова была моей лучшей подругой на первом курсе, а на втором мы разругались с ней вдрызг и больше не разговаривали. Где-то между двумя этими крайностями она нашла время, чтобы сказать мне: «Знаешь, твоя наивность просто убивает». Сама Ирка не допускала и мысли, что люди могут что-то сделать просто так, без задней мысли. Ей повсюду мерещились коварные замыслы, корыстные интересы, заговоры и тому подобные интересные штуки. И знаете что? Кое в чем она не ошиблась.

Монахова, где бы ты сейчас ни была, привет тебе. Знаешь, ты была права – моя наивность и вправду убивает. И не только меня.

Настя повесила трубку. Вот и все, что она могла сделать. Все, что пришло ей в голову. Ничего особо гениального, но...

Она вышла из комнаты и осторожно двинулась назад, в зал с трупами и перевернутым столом. Мотоциклетный шлем Настя держала в полусогнутой руке, как приготовленный для метания снаряд. В комнате с телефоном наверняка можно было найти что-то более пригодное для самозащиты, но мысль об этом пришла к Насте слишком поздно. Она уже вернулась в зал.

Все осталось на своих местах. Три тела. Весы. Открытый

ящик с монетами. Тележка. Перевернутый стол, который не лег плашмя на пол – потому что под ним была некоторая неровность. Иначе говоря – голова, которая убила этих троих.

Настя остановилась. Инстинкт подсказывал ей, что сейчас нужно принять какое-то важное решение. Надо сделать что-то, от чего будет зависеть ее будущее. И это надо сделать именно сейчас, потому что потом будет поздно. Оставалось понять – что.

А ноги подсказывали, что нужно бежать отсюда как можно быстрее. Руки хотели взять что-нибудь тяжелое, типа молотка, и разнести в пыль, в костяную крошку эту мерзость, затихшую под столом. Но глаза боялись заглядывать под стол. Зубы стучали испуганную морзянку, адресованную неизвестно кому. Гудение светильников стало угрожающим, а их аритмичное мигание навело Настю на мысль о киношном торпедированном корабле, где все системы постепенно дают дуба и где только безумный храбрец может вот так стоять посреди этого хаоса, презрительно выпятив нижнюю губу. Настя не была храбрецом, а вот безумия сегодня было выше крыши.

В такие сложные моменты всегда полезно сосредоточиться на чем-то простом. Например, на деньгах. Настя посмотрела на чашу весов, придавленную грузом испанских дублонов семнадцатого века. Это был ее гонорар. Так почему бы его не взять? Тем более что деньги ей теперь понадобятся.

Настя плохо представляла, как можно практически распорядиться старинными монетами, но все же переложила с десятков монет во внутренние карманы куртки. К рюкзаку она не решилась притронуться, хотя десятка монет было явно недостаточно, и Настя задумалась, во что можно сложить еще дюжину-другую. Но тут зазвонил телефон.

Этот звук заикающейся музыкальной шкатулки раздался из дальней комнаты. Настя подняла голову и едва ли не физически ощутила, как звук вылетает из той двери, мчится по темному коридору и накрывает Настю своими черными крыльями.

Она побежала так, словно звук телефонного звонка был отравленной стрелой, наведенной ей между лопаток. Она пробежала по длинному темному коридору, не обращая внимания на писк и копошение внизу. Где-то по дороге Настя уронила мотоциклетный шлем и даже не остановилась.

Она ударилась плечом в запертую дверь и стала на ощупь отодвигать засовы и отпирать замки. Кажется, именно тогда она и содрала ноготь.

Когда дверь все же открылась и на Настю пахнуло свежим послегрозовым воздухом, она едва не зарыдала от счастья. Но то ли лимит слез на сегодня уже был исчерпан, то ли страх по-прежнему неутомимо пихал ее в спину – Настя не дала себе передышки и стала карабкаться наверх, к дороге, впиваясь в почву пальцами. Наверху, не удостоив взглядом заглохший в кустах мотоцикл, Настя торопливо зашагала в

сторону города.

Такси приехало к условленному месту минут через пятнадцать. Настя спрятала за спину черные от земли руки, но таксиста насторожило что-то другое, не руки. Может быть, с Настиным лицом было что-то не так, но в конце концов таксист все же решился посадить девушку в машину.

Настя повторила адрес, который называла диспетчеру трансгентства.

– Я помню, – сказал водитель. Машина тронулась с места, Настя упала на спинку сиденья и подумала: «Ну вот и все. Боже... Какая... Какая же я была дура, что полезла в эту дыру... Какая же я полчаса назад была дура!»

– Сколько ехать? – спросила Настя.

– Минут десять.

– Хорошо, – автоматически ответила Настя.

Их поездка закончилась через четыре минуты и сорок секунд.

6

Первые четыре минуты все и вправду было хорошо. Настя тряслась на переднем сиденье грязной «Волги» и улыбалась, как будто ее вез на «Ягуаре» личный шофер. Жуткая музыка из кассетника ласкала уши, словно ангельский хор. Настя посмотрела на свои грязные ладони и улыбнулась. Какой же она была душой полчаса назад... Такой она больше никогда не будет. Теперь все будет иначе. Новых ошибок не будет, а старые будут исправлены. Примерно через восемь минут. Если водитель ей не соврал.

А водитель все мычал в такт магнитофону, прервавшись лишь на миг – чтобы окинуть взглядом возникшую на обочине рыжеволосую девушку.

Настя подумала, что девушка ловит попутку, но та даже не пошевелилась, когда «Волга» проехала мимо. Она лишь проводила машину взглядом, не вынув рук из карманов потертых джинсов. Ветер трепал длинные ярко-рыжие волосы, и не обратить внимание на девушку было невозможно.

Они проехали мимо рыжей метров двадцать, и тогда водитель вдруг упал лицом на руль. Настя взвизгнула от неожиданности и принялась толкать таксиста в плечо, но тот не реагировал.

Что странно – машина стала постепенно замедлять ход и съезжать вправо, на обочину. Когда такси остановилось, все

стрелки приборов безжизненно замерли в крайней левой позиции. Машина умерла вместе со своим водителем.

Настя схватилась за переговорное устройство, из которого только что раздавался голос диспетчера, но оно молчало. Все вдруг стало очень тихим, и были лишь слышны мягкие шаги рыжей по гравию. Она шла к машине, и шла настолько уверенно, что Настя вдруг сообразила – машина остановилась, потому что так захотела рыжая. В этом не было логики, но... Это было именно так.

Настя выбралась из машины и повернулась к рыжей. Та едва заметно улыбнулась. Если бы эту улыбку классифицировал специалист, он бы назвал ее «враждебно-брезгливая». И Настя никак не могла понять, чем она заслужила такую гримасу на лице девушки, которую видит первый раз в жизни.

Рыжей было лет семнадцать-восемнадцать, то есть примерно столько же, сколько и Насте. Может быть, Настя была старше ее на год-полтора, но не больше. Рыжая была одета в потертые голубые джинсы, темную майку навыпуск и легкую куртку с бело-розовым рисунком. На ногах у нее были кеды, на шее – мобильник.

То есть таких, как эта рыжая, можно было встретить во множестве на лужайке перед университетом – особенно в сентябре, когда встречаешься с друзьями после каникул и ходишь посмотреть на новых преподав, а также в июне, когда жестокий мир напоминает о себе посредством сессии. Та-

кие, как рыжая, обычно сидели на травке, болтали по телефонам, пили «колу» или пиво, курили, читали SMS-сообщения, целовались, жаловались на родителей, обсуждали парней, строили планы на выходные. Как правило, они не выходили на проселочную дорогу, чтобы каким-то непонятным способом вызывать у таксистов сердечный приступ.

Короче говоря, это было похоже на крупное недоразумение. И Настя хотела поскорее с ним разобраться. Пока от этого недоразумения у нее не остановилось сердце.

Настя не знала, с чего ей начать. Она просто шагнула вперед и подняла свою грязную ладонь как символ миролюбия. Подняла и помахала.

До рыжей оставалось метров шесть, и Настя напряженно ждала результата. Результат не заставил себя долго ждать – видимо, у рыжих была своя особая система знаков и помахивание грязной ладонью в этой системе означало нечто совсем немиролюбивое.

Рыжая сжала пальцы в кулаки и запрыгала на месте, словно разминаясь. Волосы воинственно парили в воздухе, а кулаки были явно нацелены на Настю. Энергичные движения согнутыми руками выдавали серьезную подготовку.

Подготовку к тому, чтобы вышибить из Насти дух.

Все это было очень странно, особенно когда рыжая после очередного прыжка выкрикнула:

– Ну что?! Думаешь, тебе это сойдет с рук?! Так ты думала, да?!

Расстояние между ними сократилось метров до двух, и Настя поняла, что с рук ей ничего не сойдет. Больше того – ей не сойдет с рук и то, что она сделала, и то, чего она не делала. Но это была слишком сложная и длинная мысль, чтобы пытаться объяснить ее рыжей в оставшиеся мгновения.

Тем более что рыжая, судя по всему, не была настроена на длинные объяснения. Она была настроена на хороший удар пяткой в челюсть.

А Настя просто ждала, когда на нее обрушится этот удар. Да, вот так. Внезапно много маленьких усталостей перерастают в одну большую смертельную усталость, и ты уже равнодушно наблюдаешь, как некто с рыжими волосами исполняет воинственный танец в паре шагов от тебя, как этот некто... Господи, это еще что такое?

Рыжая соорудила абсолютно зверскую физиономию, после чего вдруг резким движением сдернула с шеи мобильник, зажала его в кулаке...

И тут цирк кончился.

Маска «порву-тебя-на-куски-дрянь» сползла с ее лица. Руки опустились вдоль бедер.

– Дьявол! – тихо сказала рыжая. – Быть того не может.

Вот на это у Насти был ответ. Вот тут она могла дать рыжей сто очков вперед. Детка, все может быть. Только доживи до моих лет, доживи до моих невыносимых девятнадцати, доживи до такого вот дня, когда вокруг тебя все рушится, будто ты бомба, и ты поймешь – все может быть. Абсолютно.

– Ну и ну, – продолжала изумляться рыжая, а потом вдруг с силой толкнула Настю в живот. Настя даже не поняла, когда случился толчок, она сразу ощутила полет спиной вперед и удар этой спины о «Волгу».

Настя сползла на землю, а из карманов куртки как из рога изобилия посыпались монеты. Ее испанские дублоны.

Рыжая заметила деньги, и лицо ее снова изменилось. Она присела на корточки рядом с Настей, подняла две монеты и стряхнула с них грязь.

– И все равно я не понимаю, – сказала она Насте, и та увидела, что у рыжей замечательно яркие голубые глаза. – Я не понимаю – как...

И, не дожидаясь от Насти ответа, она положила ей дублон на глаз. Потом на второй. Потом она слегка коснулась ее губ своими.

Это уже был перебор. Настя дернулась, монеты попадали с ее глаз, она оттолкнула рыжую и вскочила на ноги, чтобы бежать куда глаза глядят, прочь от этого безумия...

Но безумие цепко держало ее за ногу, и Настя, потеряв равновесие, неуклюже грохнулась наземь.

– Сядь, – тихо сказала рыжая и прижала Настю к борту машины. – Разве не видишь...

Настя обернулась. Большой черный лимузин ехал к ним со стороны города. Машина замедлила ход и остановилась точно напротив «Волги».

– Что это? – спросила Настя, и голос ее задрожал, за что

Настя возненавидела себя еще больше. – Что это еще такое? Что такого я еще сделала и почему это никак не кончается?! Кто вы такие и почему...

Она снова попыталась встать на ноги, но рыжая дернула ее за ногу, и Настя осталась сидеть.

– Сиди тихо, – сказала рыжая. – Может, обойдется. Хотя вряд ли.

Она обхватила согнутые коленки руками и стала насвистывать что-то до боли знакомое, но в то же время неузнаваемое. Хлопнула дверца лимузина. Настя не знала, хорошо это или плохо, дрожать ей от страха или светиться от счастья. Хотелось чего-то простого и конкретного.

– Тебя как зовут? – спросила она рыжую.

– Соня, – спокойно ответила та.

– А там кто? – Настя показала в сторону лимузина.

– Там? О, там...

Шаги стали совсем близкими, а потом Настя увидела на земле длинную тень. Потом появился и обладатель этой тени – он выглянул из-за «Волги», увидел двух сидящих возле машины девушек и улыбнулся.

– Вот вы где, – сказал он весело. – Привет, девчонки.

Лицо, улыбка, голос – как три удара острейшим в мире ножом по страховочному тросу альпиниста.

Достаточно было бы и одного.

Тьма и хаос с торжествующими воплями врываются в сознание Насти. Она сползает на бок, ложится щекой на холод-

ную землю, и последние дублионы выпадают из ее куртки.
Пока-пока, жестокий мир.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПАЛАТА НОМЕР НОЛЬ, ИЛИ ВОСПИТАНИЕ ГЛУПОЙ КУКЛЫ

1

Наконец это случилось, и невыносимо длинный день 6 сентября для меня закончился. Впрочем, под конец было уже совсем неважно, какой сегодня день и какой сейчас месяц. Под конец я забыла не только это, я забыла, сколько минут ехать от кафе «Три сестры» до отметки «шестьдесят девятый километр». Я забыла, как звали Ключника, – а ведь у него было имя...

Но когда я проснулась, то помнила еще меньше. Никто не спешил мне сообщить, где я, почему я здесь, сколько времени я здесь провела... И самое главное – чтобудет дальше.

Однако вокруг меня сновали бессловесные тени, которые всегда тщательно запирали за собой дверь, выходя из моей палаты. Они игнорировали мои вопросы и избегали даже случайной встречи взглядами. Я попыталась найти ответы сама. Решетки на окне намекали, что я опасна для об-

щества. Следы от укулов на коже говорили, что меня пытались лечить. Если я до сих пор лежу здесь – значит, с лечением не задалось.

Я только не помнила момента превращения из здорового и нормального человека в больного, которого стоит надежно изолировать. Я довольно четко помнила свою жизнь – не поминутно, но с той обычной степенью подробности, с какой помнят прожитое все люди. Я помнила, что в мае мне исполнилось девятнадцать, что я кое-как окончила второй курс университета (две тройки и две четверки в весеннюю сессию). Я помнила своих родителей, помнила парня, в которого влюбилась в шестом классе и по которому безответно страдала до начала восьмого. Я вспомнила ссору с Иркочкой Монаховой, я вспомнила несколько текстов Земфиры, да и мой английский тоже никуда не исчез. Я поднапряглась и даже вспомнила порядок песен на компактe, который мне подарил однокурсник Тушкан. Тушкан сам его составил и «нарезал», обзвав свое творение «Песни для плохого настроения». Тушкан, безусловно, был ботаником и занудой, но в музыке и в плохом настроении он разбирался замечательно. Его компакт состоял из пятнадцати песен, настолько тоскливых, что я никогда не дослушивала диск до конца. Подозреваю, что если все же поднапрячься и прослушать все пятнадцать песен подряд, то останется только пойти и повеситься. Я попросила Тушкана сделать противоядие – «Песни для хорошего настроения», и тот делал его уже пол-

года, ссылаясь на нехватку достойного материала. В хорошем настроении Тушкан разбирался не так хорошо.

Так вот, все это я помнила. Я не помнила, когда вдруг понадобилось меня закрыть в комнате с зарешеченным окном и с кроватью, привинченной к полу. Хотя, может быть, в этом и заключалась моя болезнь – не помнить главное?

Тут были и свои прелести. Безо всяких усилий я похудела килограммов на пять, еще немного – и можно начинать карьеру в модельном бизнесе. Но пока вместо дизайнерской одежды мне приходилось носить длинную белую ночнушку с синим прямоугольным штампом внизу. Я пыталась разобрать стершиеся буквы – без толку. Но явно не Донна Каран.

Время ползло какой-то бесконечной конвейерной лентой, и оно ползло мимо меня. Я стояла у окна, переминаясь босыми пятками на холодном кафельном полу, и пыталась что-то разглядеть в окно, но скудный пейзаж оставался неподвижным и безлюдным. Он был похож на пустыню, выжженную ядерной войной. Но я не помнила этой войны.

Хотя это не означало, что такой войны не могло быть.

Настя сидела на кровати и ждала, что к ней придет врач, но врач не пришел. Пришли совсем другие люди. И у них было свое мнение насчет ее диагноза.

– Настя, мы рады, что вам стало лучше.

Однако радости не было на лице этого затянутого в серый костюм человека.

– Это значит, – продолжал он, бесцеремонно усевшись в ногах Насти, – что теперь мы сможем наконец заняться делами.

Настя подтянула ноги к животу, чтобы быть подальше от серого человека. Тот смотрел в упор тусклыми серыми глазами и был похож на тень, которую подобрали с пола, одели в пиджак, брюки и рубашку, но так и не придали человеческой индивидуальности.

– А может быть, мне наконец скажут, где я? Может быть, мне вернут мою одежду? Может...

– Вы не понимаете, – резко оборвал ее человек в сером. – Вы не понимаете серьезности своего положения.

– А что, я – в положении? – Серый человек действовал Насти на нервы, и ей хотелось дерзить. – И это – серьезное положение? Да неужели?

Серый человек протянул руку, и в эту руку вложили большой конверт. Настю вдруг заинтересовал не конверт, а тот, кто его подал, – молодая рыжеволосая девушка в строгом сером костюме. Настя несколько секунд смотрела на девушку, не очень понимая, что же в ней так притягивает взгляд. Рыжая стойко игнорировала интерес Насти, глядя голубыми глазами куда-то в пространство.

– Настя!

Она перестала пялиться на рыжую.

– Настя, посмотрите сюда, – серый человек вынимал из конверта фотографии и раскладывал их на постели. – Вам

это должно быть знакомо. Узнаете? – он вцепился взглядом в ее меняющееся лицо. – Узнаете.

Она узнавала. То есть она уже это видела. Более того, она там была. Ну и что дальше? Почему на лице серого человека проступило такое злорадство? Что он хочет этим сказать? Стоп-стоп-стоп...

– Настя, я должен вам сообщить, что наказанием за такое серьезное преступление...

– Наказанием?

– ...является...

– За преступление?!

– ...смертная казнь.

В этот момент лицо человека в сером выражало не больше эмоций, чем лицо билетного кассира, сообщающего, что билетов на вечерний сеанс нет. Рыжая, прислонившись к стене, продолжала бесстрастно изучать пространство.

– Извините, – сказала Настя, отодвигая от себя фотографии. – Я, может быть, еще не совсем поправилась... Повторите, пожалуйста, еще раз. Повторите, как будто для тупых. Для меня.

– Наказанием за такое серьезное преступление...

– Я не понимаю. Еще проще. Для тупых.

– Настя, – вздохнул серый человек. – Шестого сентября этого года вы совершили тяжкое преступление. Вы убили трех человек. Их, – он поочередно ткнул пальцем в снимки. – Вы действовали в составе преступной группы, куда также

входил он, – снова фотография. – Это ваш водитель, ваш сообщник. Он погиб при задержании.

– Я убила трех человек?! – Настя хотела засмеяться, но звуки застряли в пересохшей гортани.

– Да. Доказательств более чем достаточно. Отпечатки пальцев, следы крови на вашей одежде... И так далее.

– А зачем я это сделала?

– Вы исполняли задание.

– Чье?

– Враждебных сил.

– Каких-каких сил?

– Настя, вы прекрасно знаете, кто вас туда отправил, кто дал вам это задание, кто дал вам оружие... Не надо прикидываться.

– Оружие? – Она посмотрела на свои ладони, пошевелила пальцами, чтобы вспомнить ощущения хоть от какого-то оружия. – Самое смешное, что я ничего этого не помню.

– Не вижу здесь ничего смешного. То есть вы не собираетесь облегчить свою участь и выдать организаторов убийства? Вы не хотите сотрудничать со следственными органами?

– Как?! Как я могу кого-то выдать, если я ничего не помню?!

– Тогда я закончу. – Он убрал снимки в конверт, вернул его рыжей и испытующе посмотрел на Настю. – Итак... Итак, наказанием за столь тяжкое преступление является смертная

казнь.

– Минутку. – Настя вцепилась ногтями в виски, зажмурилась, стараясь сообразить, где же в аккуратных словах аккуратного серого мужчины лажа. А что она там есть – не было никаких сомнений. – Минутку... Я, может быть, и дура, может быть, у меня и провалы в памяти, но... У нас в стране нет смертной казни.

Она торжествующе посмотрела на серого и повторила более уверенно:

– У нас смертная казнь отменена. Это абсолютно точно! Это я помню...

Но Серый как-то не торопился признать поражение. Он даже позволил себе нечто вроде усмешки – краем тонких змеиных губ.

– Видите ли, Настя... Люди, которых вы убили, находились на государственной службе. На важной государственной службе. Поэтому в отношении вас будет применена смертная казнь. Это будет адекватным ответом на вражеский удар.

– Это что же, ради меня снова введут смертную казнь?

– Нет, ничего такого не будет. Ваше дело не будет рассматриваться судом, вы просто исчезнете. Вон там, – Серый показал в сторону окна, – есть такое специальное место для захоронения вам подобных...

– Мне подобных?

– Врагов страны.

Насте вдруг показалось, что Серый говорит с ней на каком-то другом, незнакомом языке, в котором Настя половину слов не знает, и от этого возникает непонимание. Надо было вернуться к простым словам, в значении которых Настя была уверена на сто процентов.

– То есть вы хотите меня казнить? В смысле убить?

– Не я. Государство. Страна. Порядок.

– Вы меня ни с кем не путаете?

– Нет.

– То есть у меня не будет адвоката?

– Нет.

– А родители? Им вы сообщили?

– Нет.

– Могу я им позвонить?

– Нет.

– Но это... Это нечестно! Вы не имеете права!

– А вы имели право убивать троих людей, которые сделали для страны так много, что...

Серый сделал вид, что сначала дал волю чувствам, а потом сжал их в кулак. Удержал невидимые слезы внутри. Но это было так плохо сыграно, что Настя едва не скривилась.

– Впрочем, это бессмысленный разговор. – Серый перешел на свою обычную ровную манеру. – Я вас проинформировал. Вы могли бы облегчить свою участь, если бы выдали нам организаторов этой акции. Но вы отказываетесь...

– Я не помню! Мне нечего вам сказать!

– Тогда и мне нечего вам сказать. – Серый поднялся с постели.

– Стойте! – Настя спрыгнула на пол. – Это ошибка, вы не можете вот так...

– До свидания, Настя.

Серый юркнул в коридор, а рыжая девушка преградила Насте путь.

– Назад, – тихо и властно сказала она, а Настя все кричала в затылок серому человеку про ошибку и про права... Тут рыжая сделала короткое движение Рукой, и Настя задохнулась от боли, а все ее слова сдулись, будто проколотые воздушные шарики. Рыжая вытерла ладонь об Настин халат и вышла вслед за Серым.

Дверь захлопнулась, словно крышка мышеловки. Настя сидела на полу, прижав ладони к месту удара и глубоко дыша под собственный отсчет: один, два, три, четыре, пять... Вроде бы и слегка ударила эта рыжая стерва, но так больно... Не иначе, какой-то хитрый прием из восточных единоборств. Теперь вот синяк будет – смешная мысль, учитывая обещанную высшую меру.

«Меня собрались убивать? Даже не смешно. Не смешно, но...» Настя поняла, что сейчас заорет от бессильного отчаяния. Серая тень на государственной службе и его рыжая ассистентка наверняка порадуются этому воплю. Нет, надо переключиться, надо вспомнить что-нибудь нейтральное, что-нибудь...

Так. Диск Тушкана. Песни в обратном порядке. Ну, ну, давай. Трек номер пятнадцать... Трек номер пятнадцать... Готово: пятнадцатый трек на сборнике «Песни для плохого настроения», группа с длинным названием, чего-то там про Dream и Film, а песня называется If I Die, I Die. Если уж умру, так умру.

Тушкан, милый, ты как в воду глядел.

2

Помимо того, что моя фигура за это время стала чуть более стройной, имелся и другой плюс: мне не приходилось выбирать. Такого права за мной не было оставлено. А раз так – я не могла ошибиться, не могла сделать неправильный выбор. То есть не могла заняться своим излюбленным делом.

Ошибиться могли только они – те, кто держал меня под замком. Мне нужно было просто дождаться их ошибки, хотя я запросто могла этой ошибки не заметить.

Дело было то ли в лекарствах, которые мне кололи, то ли в пищевых добавках, но я пребывала в несколько заторможенном состоянии. И поэтому после первого визита мужчины в сером у меня не случилось истерики, я не рыдала и не билась головой о стенку. Я приняла это известие в себя, глубоко вздохнула и стала жить дальше. Наверное, до меня просто не дошло.

В моем сознании продолжались ленивые сумерки, и раз уж я не осознала до конца перспективу близкой казни, то я тем более не поняла, что Серому моя казнь совершенно не нужна.

Ему было нужно нечто другое.

На этот раз Серый привел с собой не только рыжую стерву с маленькими крепкими кулаками, но и троих широкопле-

чих парней в белых халатах. Теперь все еще больше походило на сумасшедший дом.

– Настя, нам пора, – сказал Серый и многозначительно посмотрел на часы.

Настя вдруг поняла, что ей очень не хочется выходить из опостылевшей комнаты с решетками на окне и с унитазом за полупрозрачной занавеской. За пределами комнаты все могло быть гораздо хуже.

Она решила, что будет сопротивляться, и даже почти придумала как, но к этому моменту ее уже выволокли в коридор, где трое «санитаров» просто схватили Настю за руки, за ноги и вот таким извивающимся бревном доставили в маленькую темную комнату. Пахло сыростью и чем-то еще... Чем-то таким, от чего в желудке Насти закрутился тугой узел.

– Вниз, – сказал Серый.

– Что?

– Спускайтесь вниз, – сказал Серый. Руки «санитаров» отпустили Настю, она инстинктивно отпрянула в сторону и едва не соскользнула с невидимой в темноте ступени. Настя нашарила рукой стену и стала осторожно переставлять ноги, спускаясь все ниже и ниже.

На четвертой ступени она обернулась и задала неожиданно возникший у нее вопрос:

– А зачем это?

Серый элегантно вынул из внутреннего кармана небольшой пистолет.

– Спускайтесь.

– Ну уж нет...

Серый картинно выпрямил руку и нажал на спуск. Настю испугал не столько вид пистолета, сколько ударивший по ушам грохот. Она упала на колени и взвизгнула – ноги оказались в ледяной воде.

– Спускайтесь.

– Там вода!

– Я знаю.

– Я никого не убивала!

– Спускайтесь.

– Нет, я... – Настя встала и шагнула было вверх, но Серый направил ей пистолет в грудь. – Послушайте, я никого не...

– Настя, вы ведь можете спускаться вниз и одновременно говорить? Так и делайте.

Настя посмотрела снизу вверх на серую тварь, и ненависть привела ее в чувство, словно нашатырь.

– Говорить? Я кое-что скажу... У вас в руке пистолет, но вы почему-то не стреляете в меня. Боитесь? Боитесь, да?

Серый засмеялся.

– Нет, Настя, не боюсь. Меня не взяли бы на эту работу, если бы я боялся. Просто я хочу, чтобы ваша смерть была неприятной, унижительной... Ну, и так далее. Умереть от выстрела в голову – это легко. Это привилегия, которую вы, Настя, не заслужили.

– Пошел ты знаешь куда...

Серый выстрелил, целясь чуть выше ее головы. Настя инстинктивно пригнулась, потеряла равновесие и, ободрав колени, соскользнула на несколько ступеней вниз. Теперь она оказалась по пояс в темной холодной воде. Холод убил родившийся в ее легких крик, превратив его в еле слышный всхлип.

Смерть приобретала все более конкретные черты.

– Прекрасно, – отреагировал Серый. – Продолжай в том же духе.

Зря он так сказал.

Настя выпрыгнула из воды и вцепилась обломками ногтей в стену, чтобы удержаться на ногах. Намокшая рубашка облепила ей бедра и ноги, зубы выстукивали лихорадочную дробь холода, ужаса и ненависти. Настя вдруг поняла, что больше всего в жизни хочет совершить последний отчаянный прыжок, ухватить Серого за ноги и свалиться вместе с ним в воду. Пусть и он испытает этот холод, этот страх...

Возможно, ее серый враг прочитал эти мысли на Настинном искаженном ненавистью Лице, а возможно, ему просто надоело тратить время на такое ничтожество, как Настя. Он направил ствол пистолета прямо ей в лицо.

Настя не отвела взгляда.

И все-таки это были не только сумерки сознания, подточенного психотропной диетой. Я думаю, что к тому времени воспоминания уже постепенно пробивались ко мне через заботливо выстроенные частоколы. И я начала вспоминать

про свои истинные преступления, но не про те, которые вешал на меня человек в сером.

Снисходительный Иннокентий говорил мне потом, что это, в общем-то, не преступления, а так, ошибки, трагические недоразумения, которые можно списать на мой возраст или еще на какие-то непреодолимые обстоятельства... Иннокентий вообще не любит слово «преступление». Я бы даже сказала так – он не верит в преступление.

Но это он, а для меня все было иначе – и тогда, и теперь. И как бы я тогда мысленно ни называла свои деяния, итог был один.

В этом итоге я не видела большого смысла цепляться за жизнь. Пусть будет что будет.

Хотя вода в том подвале была жуть какая холодная. И было несколько мгновений, когда я была готова порвать Серого на куски вместе с его застегнутым на все пуговицы костюмом.

И Серый испугался, потому что он-то меня убить не мог. А я – запросто. Я всегда была послушным ребенком. И если во мне хотят видеть убийцу, что ж, отлично, я стану убийцей.

И, чур, потом не жаловаться.

3

Толстый махровый халат, шерстяные носки и огромная кружка чая с лимоном. Волосы слегка влажные, но уже почти высохли. Покрасневшая кожа гудит и пахнет спиртом – Настю растирали. Кто, когда – покрыто мраком. Добрый доктор складывает свои инструменты. Все слегка в тумане.

Стук двери – доктор ушел.

– Настя, вам лучше?

Настя смеется так, что ее собеседник хочет позвать доктора назад.

– Нет, все в порядке. Не надо доктора.

– Тогда что смешного я сказал?

– Этот ваш серый урод...

– Вы хотите сказать – капитан Сахнович?

– Он тоже сначала спросил меня – Настя, вам лучше? А потом... Сами знаете, чем это кончилось.

– Настя, вы должны его понять...

– Еще чего!

– Один из погибших был его близким другом. Капитан Сахнович тяжело переживает его гибель, отсюда и нервный срыв.

– Он меня чуть не убил. Он псих и...

– Настя, вы его больше не увидите.

– Неужели я его утопила? Мы очень эффектно свалились,

но...

– Нет, он не утонул.

– Тогда что – его расстреляют?

– Нет, он отправится подлечить нервы.

– Лучше бы его расстреляли. И еще эту рыжую... Она меня ударила.

– Именно Лиза и сообщила мне, что Сахнович решил вас убить. Если бы не она...

– Ее зовут Лиза?

– Да, а что?

– Мне казалось... Нет, ничего. Слушайте, ну вот вы вроде нормальный человек...

– Спасибо за комплимент.

– Объясните мне, пожалуйста, что со мной произошло.

Где я, сколько времени я уже здесь нахожусь, и вообще...

– А вы сами-то что помните?

– Я? Да почти ничего. Я помню, как я еду на мотоцикле...

И потом просыпаюсь здесь, в палате. Я что, упала с мотоцикла? Хотя откуда у меня вообще мотоцикл?

– Настя, нам тоже не все известно. Я расскажу то, что знаю.

– Извините, а вот вы говорите «нам», «мы»... Кто это «мы»?

– А вы как думаете?

– Я думаю, что вы из какой-то спецслужбы. Например, ФСБ...

– Прекрасно. Так и думайте дальше.

– Что, не угадала?

– Ну как вам сказать? Мы – это спецслужба... Немножко более секретная, чем ФСБ.

– А вот эти трое убитых – они из ваших, да?

– Из наших.

– И вы тоже думаете, что я их убила?

– Здесь мы с капитаном Сахновичем одного мнения.

– То есть...

– Настя, вы убили этих людей.

– Но...

– Вы сами об этом рассказали.

– Что?!

– Вы сами об этом рассказали. Во время сеанса гипноза.

Есть видеозапись.

– Гипноз? Господи...

Теперь Настя понимает, почему у нее голова – как книжный шкаф, куда залез кто-то посторонний и без спроса переставил книжки на другие места.

– Настя, вам плохо?

– Мне плохо? Мне плохо...

– Позвать врача?

– Нет... Артем, расскажите мне про меня еще что-нибудь такое же интересное.

Шестой трек на диске «Песни для плохого настроения»

– *песня малоизвестной американской группы DeadSeagulls*

«ForAges». Вокалист, поющий как будто сквозь зубы, раз за разом выплевывает рефрен «Itwasknownforages...». То есть это уже было, это было известно столетия назад. Свежая мысль. Все уже когда-то было, в том числе трюки, уловки, ухищрения, с помощью которых можно запудрить мозги молодой наивной девушке.

Но поскольку ты знаешь, что все уже было, что все трюки известны, ты никогда не подумаешь, что кто-то нагло применит эти уловки к тебе. Ведь ты такая умная, ты окончила второй курс и однажды даже сдала экзамен без «шпор». Ты почти не попадаешься на первоапрельские розыгрыши, ты отвечаешь на вопросы интеллектуальных ТВ-шоу быстрее игроков...

А потом тебя берут голыми руками, как тупую куклу. И используют как тупую куклу. Поделом.

Вот Монахова никогда не попалась бы на такую удочку. И тогда ее бы просто убили.

Как хорошо иногда быть душой. Вот оно, мое простое счастье.

4

Спасителя Насти звали Артем Покровский, и он был майором в той же самой неназываемой секретной спецслужбе, где психопат Сахнович был капитаном. Оставалось только выяснить, кто главнее – капитан или майор.

– Майор, – усмехнулся Покровский. – Я главнее Сахновича, успокойтесь.

– А Лиза?

– Лиза – старший лейтенант. Еще вопросы?

– Масса. Как я сюда попала?

– После нашей спецоперации. Вы сделали свою работу и возвращались в город на машине, мы перехватили вас по дороге. Водитель оказал сопротивление и погиб. Вы получили сотрясение мозга.

– Мне кто-то из ваших заехал сапогом по голове?

– Не исключено.

Артем Покровский был до смешного не похож на серого капитана Сахновича. Тот – тусклый, тонкий и холодный. Покровский – круглолицый здоровяк, которому, наверное, просто некуда было девать задние мысли – все его эмоции немедленно отражались на физиономии. В основном он доброжелательно усмехался, иногда в его карих глазах проскальзывало сочувствие, иногда – грустное понимание того, что не все ошибки в этой жизни можно исправить. От Покровского

пахло табаком и потом, он то и дело скреб ногтями темную щетину на подбородке – то есть по нему сразу было видно, что это не продукт генной инженерии спецслужб, а обычный мужик, которого угораздило попасть на такую работу.

– Я бы хотел как-то вам помочь, Настя, – разводил он руками. – Но для этого вы должны дать мне какую-то информацию...

– Я бы хотела дать вам информацию, – виновато отвечала она. – Но я ничего не помню. Я не помню, чтобы я кого-то убивала, по приказу или без приказа...

– Но ведь...

– Да, я понимаю – отпечатки пальцев, следы крови, видеозапись моих признаний под гипнозом... И все равно я не помню.

Покровский смотрел на нее грустными глазами и поглаживал густые черные усы, как бы говоря: «Настя, лично я к вам очень хорошо отношусь, но тем не менее вас придется расстрелять». Это было так трогательно, что Настя едва не пожалела Покровского, которого долг и сочувствие просто рвали на части.

– Может быть, вы подумаете еще несколько дней? – предложил Покровский. – Придете в себя, отоспитесь...

– А у меня и раньше не было бессонницы. Я только и делаю, что сплю.

– Может быть, вы видите какие-нибудь сны, которые помогут вам вспомнить...

– Я не вижу снов.

Покровский сочувственно завздыхал.

– А вот этот ваш гипноз... Разве вы не можете залезть ко мне в голову и выяснить, кто же меня заставил пойти на убийство?

– Не получилось, – Покровский снова был печален.

– Тогда... – Настя посмотрела на ломтик лимона, оставшийся на дне чашки. Тот был почти столь же одинок и несчастен, как и майор Покровский. – Тогда это тупик. Вам придется меня казнить.

– Настя, Настя, ну что вы! Не говорите так. Я дам вам еще время подумать... Вы будете жить не в палате, а в нормальной квартире, под присмотром соседки. Я все-таки хочу надеяться...

– Соседка? Это случайно не рыжая? Не Лиза?

– Настя, это может стать началом прекрасной женской дружбы, – улыбнулся в усы Покровский.

В принципе, это было неплохо – перебраться из больничной клетки в двухкомнатную квартиру с кухней, ванной и туалетом. Квартира находилась в том же здании, несколькими этажами выше больничного крыла. Покровский был настолько любезен, что проводил Настю до дверей и напутственно потрепал по плечу. Настя подумала, что, вероятно, так же доброжелательно он отведет ее на казнь.

Рыжая Лиза сидела на полу в коридоре и читала журнал. Без своей серой униформы, с распущенными волосами, в яр-

ких спортивных штанах и коротком топе она уже не была той молчаливой стервой с жесткими кулаками. Она была кем-то другим. Но пока Настя не могла понять – кем.

– Я надеюсь, что вы подружитесь, – сказал Покровский.

– Не надейся, – ответила ему Лиза.

– Она шутит, – сказал Покровский с надеждой.

– Черта с два.

Но Покровский не уходил, стоял над Лизой живым укором, и та была вынуждена, раздраженно скрипнув зубами, закрыть журнал, встать и пробубнить в сторону Насти что-то вроде «Проходи...».

– Вот видишь, – радостно сказал Покровский. – Можешь ведь, когда захочешь. В глубине души ты добрая и отзывчивая.

– Ты перепутал меня со своей бабушкой.

– И все равно ты поможешь Насте освоиться...

– Да, я помню свою основную задачу. При попытке побега я должна стрелять на поражение. Понятно? – это было спрошено у Насти жестким и высокомерным тоном, который Настю, впрочем, не удивил.

– Мне с тобой все давно понятно, – сказал Настя. – Дай-ка пройти. Я сначала схожу в душ, а потом уже будешь стрелять на поражение и играть в другие свои любимые игры...

Лиза нехотя посторонилась.

Но когда Настя проходила мимо, рыжая зачем-то дунула ей в ухо. И улыбнулась патентованной улыбкой пай-девочки,

которая может делать какие угодно гадости, потому что никто все равно не поверит в ее виновность.

Первые два дня они не общались друг с другом. На третий день Лиза без стука вошла в комнату Насти.

– Делать все равно нечего, так что...

– Пошла вон, – сказала Настя, лежа на кровати и не сводя глаз с потолка.

– Что?!

– Тебе приказали меня убить, если я попытаюсь сбежать. Но вряд ли тебе приказали действовать мне на нервы. Так что выйди из комнаты и в следующий раз, будь добра, спрашивай разрешения.

– Хм, – задумчиво проговорила Лиза. – Крыша отправляется с пятого пути. Ладно, зайду попозже.

На следующий вечер она вошла в ванную, когда Настя стирала там белье.

– Когда закончишь, может, сыграем в карты?

– Я недостойна этой чести.

– Я знаю, что ты недостойна. Ну а что остается делать? Мне скучно.

– Скучно? Постирай мне носки.

– То есть крыша еще не вернулась из отпуска. Или у тебя ко мне какие-то личные претензии?

– Претензии? Минутку, дай подумать. – Настя выпрямилась. – А это не ты была той рыжей стервой, которая ударила меня в живот?

– А неужели ты такая злопамятная? Это был всего лишь легкий толчок. Я ничего тебе не сломала, хотя могла.

– Ты так добра!

– Мне все это говорят. Может быть, ты не в курсе, но это я сбегала и настучала Артему на Сахновича. Иначе ты бы сейчас занималась подводным плаванием с пулей в башке!

– Хочешь, чтобы я сказала тебе «спасибо»?

– Нет, я хочу, чтобы ты перекинулась со мной в «дурака»... Разве это трудно?

– Это нетрудно, но это странно. С чего вдруг такой интерес к моей жалкой персоне?

– Мне велели наладить с тобой отношения... – пробубнила Лиза, глядя в потолок.

– То есть тебе настучали по башке, – обрадованно перевела это на обычный язык Настя.

– Мне велели наладить с тобой отношения, чтобы ты чувствовала себя комфортно. Так что поиграй со мной в карты, пожалуйста. Или я сломаю тебе руку. И скажу, что это был несчастный случай. А если поиграешь, а потом, как бы между прочим, скажешь Покровскому, что у нас мир и дружба... я тогда куплю тебе шоколадку.

– Две. С орехами и изюмом. И еще шариковый дезодорант, и еще крем для рук, и еще...

– Угомонись, подруга. Потом составишь список. Через пять минут я постучусь к тебе в комнату. Не разочаруй меня...

С этого дня десять партий в «дурака» – их ежевечерняя норма. Настя без особого азарта бросает карты на стол, Лиза вяло отбивается, но в выигрыше остаются обе.

На пятый день этого взаимовыгодного сотрудничества Лиза выкладывает на стол очередную порцию шоколада. Настя настаивает на разнообразии, и сегодня из пакета появляются два батончика «Пикник» и несколько шоколадных медалек в фольге.

– Получите, распишитесь, – говорит Лиза и подвигает шоколад к Насте. Та разворачивает батончик, но откладывает его в сторону, даже не надкусив. Ее внимание почему-то привлекают медальки в золотой и серебряной фольге. Она берет их в руки, взвешивает на ладони и растерянно смотрит на Лизу.

Та энергично перемешивает колоду.

Настя выкладывает медальки на столе перед собой.

– Мы играем или нет? – возмущается Лиза.

– Играем.

Эту партию Настя проигрывает. Следующую тоже.

Но четырьмя часами позже, ночью, она встает с постели и выходит из комнаты. Дверь во внешний коридор заперта, но она Насте и не нужна. Настя входит в комнату Лизы, на цыпочках крадется к ее постели, садится на край. Лунный свет из окна делает спящее лицо Лизы серебристо-холодным.

Настя вглядывается в Лизино лицо, а потом шепчет:

– Зачем ты это сделала? Зачем ты меня тогда поцелова-

ла... Соня?

Из-под одеяла появляется ствол пистолета и упирается Насте под левую грудь. Лиза открывает глаза, и в них нет ни грамма сна.

Некоторое время они молча смотрят друг на друга. Потом Лиза говорит:

– Тебе просто приснился сон. Плохой сон. Иди к себе.

Настя не шевелится, будто в лунатическом оцепенении. Лиза вдавливая ствол ей в ребра. Настя вздрагивает, медленно встает и выходит.

Лиза остается одна. Она кладет руку с пистолетом поверх одеяла. Ее губы слегка подрагивают, словно она тихо разговаривает сама с собой.

На следующее утро Настю вызывают к доброму доктору на осмотр.

Воротник белой рубашки явно натирал Покровскому шею, майор недовольно морщился, но положение обязывало. Справа от него сидел какой-то пожилой хмырь с кустистыми бровями, слева – добрый доктор, который улыбался в тридцать два зуба и подмигивал Насте, как хорошей подружке.

– Здравствуй, Настя, – сказал Покровский. – Сегодня мы должны принять решение. Для нас это непросто, но... – он вздохнул. – Доктор, начнем с вас.

– С удовольствием.

Он начал бубнить что-то заумное насчет последней попытки выудить что-то из Насти, вводя ее в состояние гипноза. Последняя попытка была вчера, и Настю до сих пор подташнивало.

– ...предыдущие попытки. Таким образом, я не исключаю, что на девушку было оказано целенаправленное психическое воздействие по двум направлениям. Первое – принудить ее к совершению преступных действий. Второе – скрыть следы воздействия на ее психику, поставить своего рода ментальный код, который препятствует нам получению более полной информации.

– Но это только ваши так называемые предположения, да? – неожиданно громким басом поинтересовался пожилой хмырь. – Никаких стопроцентно точных выводов у вас нет?

– Сто процентов – это вообще нереальная цифра для психологии! – оскорбился доктор. – Это все-таки мозг, это вам не двигатель внутреннего сгорания!

– Лучше бы это был двигатель, – мрачно заметил хмырь. – Майор Покровский?

– У нас действительно нет доказательств, что Настя совершила эти убийства по принуждению – физическому или психическому – со стороны третьих лиц. Но у нас нет и доказательств, что она совершила эти убийства по собственной воле. Мотивов не обнаружено.

– Плохо искали, – буркнул пожилой хмырь и посмотрел сквозь Настю, как будто бы ее уже не существовало в этом мире. – Так какие выводы, майор?

– Я бы рекомендовал... – Покровский слегка замялся и даже покраснел от важности момента. – Это мое личное мнение...

– Естественно.

– Я бы порекомендовал план Б.

Пожилой хмырь сделал такое лицо, как будто Покровский пытался ему всучить мешок гнилой картошки.

– Под мою личную ответственность, – поспешно добавил Покровский.

– Само собой, – сказал хмырь, так и не стерев недовольно-брезгливое выражение с лица. – И кто же возглавит реализацию проекта?

– Я хотел бы лично...

– А как насчет капитана Сахновича? Кажется, он уже работал по этому делу? Может быть, его стоит поставить во главе операции?

Настя почувствовала, что сильно-сильно ненавидит пожилого хмыря вместе с его кустистыми бровями, желтыми кривыми зубами и кислым выражением лица.

– Капитан Сахнович сейчас проходит курс лечения, – напомнил Покровский.

– Он закончил его сегодня утром, – уточнил добрый доктор, и Настя решила, что болтливых врачей широкого профиля она ненавидит столь же сильно.

– То есть он вполне может приступить к этой операции, – сделал вывод хмырь.

– Я хотел бы лично возглавить операцию, – сказал Покровский и снова покраснел. – Мне кажется, у меня это получится лучше.

Хмырь уставился на Покровского, как будто это была внезапно заговорившая статуя. Потом он перевел взгляд на Настю, и на этот раз взгляд его не прошел насквозь, а обследовал Настю с ног до головы, задержавшись на каждой складке одежды, на каждом изгибе ее тела.

Хмырь резко встал из-за стола и бросил Покровскому, словно собаке кость:

– Я очень надеюсь, что в основе вашей просьбы, майор, нет личных мотивов. Честь имею кланяться.

Покровский неуверенно улыбнулся Насте – уже после то-

го, как хмырь вышел из комнаты. Настя не знала, что выражает эта улыбка – то ли это застенчивое соболезнование, то ли осторожную радость.

Все зависело от того, что такое план Б.

6

– Вот, собственно, и все, – сказал добрый доктор. – Когда действие наркоза закончится, то будет немножко побаливать, но это ненадолго. Теперь медленно вставайте с кушетки. Так, посидите, подышите ровно и глубоко. Не тошнит? Хорошо. Постарайтесь сегодня не делать резких движений. А лучше всего, если вы до конца дня полежите на диванчике, поспите... Все, вставайте и одевайтесь.

Настя застегивала бюстгальтер и знала, что в этот момент доктор разглядывает ее со спины.

– Настя, – вкрадчиво сказал добрый доктор. – Знаете, у вас замечательное тело.

– Спасибо. – Она быстро надела майку и спортивные штаны. – Спасибо... И до свидания.

– Настя, послушайте меня. – Доктор встал со своего кресла и подошел к Насте, разглядывая ее, как ребенок рождественскую елку. – Когда закончится эта ваша операция, заходите ко мне...

– Зачем?

– Ну-у... – уклончиво протянул доктор. – Мы с вами сможем сделать много замечательных вещей.

– По-моему, мы с вами уже сделали все вещи, которые только могли, – ответила Настя, вежливо отстраняясь. Добрый доктор был универсальным специалистом, он сам про-

вел полное медицинское обследование Насти и мог бы заявить, что знает ее как облупленную. Но углублять это знакомство у Насти не было ни малейшего желания.

– Старый больной извращенец, – сказала по этому поводу Лиза.

– Он тебе тоже такое говорил?

– Он всем это говорит. Не парься, он безобидный старикан, которому за счастье лишний раз потрогать твою попу, пока он делает укол.

– А Покровский?

– Что – Покровский?

– Ну, этот, с бровями, сказал ему – надеюсь, майор, что у вас нет личных мотивов.

– Это переводится так: надеюсь, Артем, что вы отменили казнь Насти не для того, чтобы просто ее трахнуть.

– Я поняла. А что, от Покровского можно ожидать...

– Если он попробует тебя трахнуть, то у него будут проблемы не только с начальством. В первую очередь у него будут проблемы со мной. Ясно?

– Что, у вас...

– Не твое собачье дело. Просто держись подальше от него. И от меня.

– Я не могу держаться подальше. Я тут как бы под арестом...

– Вот и молчи себе в тряпочку. И не воображай тут из себя невесть что! Тоже мне, принцесса с большой дороги! Кто ты

такая? На фига ты сдалась Покровскому? Посмотри на себя!
Ты знаешь, почему ты до сих пор жива? Знаешь?

– Потому что вам нужна была информация.

– Какая информация может быть в твоей тупой башке! Ты жива только потому...

– Почему?

Лиза странно дернула головой и на миг побледнела. Голос ее зазвучал, как зажеванная магнитофонная пленка:

– П-по-о-отому...

– Что? Тебе плохо?

Лиза скорчила зверскую рожу и отмахнулась:

– Все нормально, отвали.

– Так ты хотела мне сказать...

– Ничего я тебе не хотела сказать. Закрыли тему. Не доставай меня больше. Иначе я за себя не ручаюсь...

Лиза захлопнула дверь в свою комнату и дважды повернула ключ в замке. Это было даже излишне: Настя и не собиралась бежать за ней и успокаивать.

Еще чего.

– Ты выглядишь усталой, – сказал Покровский. – Лиза достает?

– Нет, это вы меня достаете.

– Я?

– «Вы» в широком смысле слова. Все вы. Я черт знает сколько времени здесь сижу, ни родителям позвонить, ни на улицу выйти...

– Я понимаю, но... Как раз сегодня я решил немного сменить обстановку, – радостно сообщил Покровский. – Ты ведь раньше здесь не была?

– Это все то же самое здание, – напомнила Настя. – Это все те же четыре стены, только цветочки на обоях другие.

– Да ладно тебе, не привередничай. Это, скажем так, офицерская столовая.

Настя уныло оглядела комнату, в которой поместилось шесть одинаковых квадратных столов с одинаковыми клетчатыми скатертями.

– Спасибо, сильно поднимает настроение. Никогда не видела ничего подобного. Лучше расскажите мне про план Б, я хотя бы пойму – пора мне вешаться на колготках или еще нет.

– Какие-то шутки у тебя мрачные, Настя, – озабоченно произнес Покровский.

– А есть причины для веселья?

– Есть.

– А я не верю.

– Напрасно. Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

– У вас еще все впереди.

– Хорошо, послушай меня и постарайся найти повод к веселью. Значит, насчет плана Б... План Б – это план по возмещению ущерба. Понятно?

– Пока нет.

– Ты убила трех человек. Ты нанесла большой ущерб нашей стране, нашей организации. Но мы согласны простить тебя, если ты возместишь ущерб.

– Как я могу возместить ущерб? Воскрешать людей я не умею...

– Ты должна выполнить задание, эффект от которого компенсирует ущерб от твоих преступлений. Понятно?

– Понятно. Хотя никаких преступлений я не совершала...

– Настя, не начинай эту сказку про белого бычка. Ты будешь говорить «нет», я буду говорить «да», и это будет длиться бесконечно, но при этом в клетке сидишь ты, а ключ от клетки у меня. Хочешь, чтобы он оказался у тебя, – выполни мое поручение.

– Допустим, я выполняю это поручение. Что потом – я могу идти на все четыре стороны?

– Не совсем так.

– Я так и знала, что тут есть какая-то подстава...

– Дослушай до конца. Мы тебя отпустим. Но останутся те люди, которые уже однажды заставили тебя совершить преступление. Они могут снова тебя найти, и ты снова попадешь в неприятности. Поэтому мы тебя отпустим, но у тебя будет новое имя и тебе придется переехать в другой город, чтобы тебя никто не нашел. Документами мы обеспечим. Это называется программа защиты свидетелей.

– Ну, это не самое худшее из того, что могло случиться. Ведь вы бы могли меня просто использовать, а потом выкинуть, как отработанный материал. Растворить мое прекрасное тело в серной кислоте... Или как вы там это делаете?

– Настя, ты говоришь ерунду.

– Почему же? У меня был один знакомый, капитан Сахнович... Ладно, замолчала, замолчала. И в чем же мое суперзадание, которое искупит жизни троих человек? Которых я не убивала...

– Это очень просто. В определенный день и час тыходишь в ресторан, садишься за столик, заказываешь чашку кофе.

– И что дальше?

– Садишься за столик, заказываешь чашку кофе.

– Это я уже слышала. Что дальше?

– А дальше ты увидишь. Кое-что произойдет. И когда это произойдет, ты должна будешь забыть о плане Б, об убийствах, обо мне, о капитане Сахновиче... Забыть об этом и вести себя совершенно свободно, раскованно. Ты должна под-

чиниться событиям, дать им нести тебя...

– Это какой-то бред.

– Наверное, я плохо объясняю, но, когда это случится, ты поймешь, что я имею в виду.

– То есть я захожу в ресторан, пью кофе, потом что-то случается, и я свободна. Так?

– Примерно.

– Это ваше «событие», оно надолго? Сколько часов это будет длиться?

– Этого не знает никто.

– Как так? Что вы за спецслужба, если ничего не знаете?

– В этом-то и сложность задания. И еще одно... С того момента, как ты войдешь в ресторан, ты будешь действовать одна. Никто из наших не будет тебя пасти. Но нам нужны гарантии, что ты никуда не сбежишь.

– Я могу дать честное слово.

– У нас есть идея получше.

По мере того как Покровский объяснял ей «идею», рот Насти все шире открывался от изумления.

– Извини, но другого выхода не было, – сказал Покровский.

– Да как вы?! Да кто вам?! Сволочи, – тихо сказала Настя, и слеза скатилась по ее щеке. – Какие же вы сволочи.

– Извини, – повторил Покровский и отвернулся, чтобы не видеть ее слез. Настя взяла салфетку и вытерла щеку, потом промокнула уголки глаз.

Она держала в руке мокрую салфетку и думала о том, что плачет впервые за долгое время. Когда же это было в последний раз? Когда же она... Когда же она размазывала по щекам слезы, терла лицо грязными ладонями и никак не могла остановить это извержение соленой влаги... Там еще был мотоцикл. Что за мотоцикл, чей мотоцикл? Куда он ехала и откуда?!

В любом случае и тогда и сейчас она плакала и рядом не было никого, кто бы мог ее утешить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ЧЕРТОВА УЙМА СТУПЕНЕК ВНИЗ, ИЛИ ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ГЛУПОЙ КУКЛЫ

1

Между прочим, на улице уже лежал снег. Еще ненадежный, неокончательный, но все же его хватило, чтобы прикрыть грязный асфальт.

Настя вспомнила, что пятым треком на диске «Песни для плохого настроения» была песня под названием «Four Seasons in One Day» «Четыре времени года за один день». Она упала с мотоцикла шестого сентября и пропустила бабье лето, пропустила октябрьские дожди, пропустила шуршание опавших листьев под ногами, пропустила тонкую пленку льда на утренних лужах. Все это прошло за один день, и теперь Насте предстояло шагнуть из машины сразу в зиму.

– Ждем Лизу, – сказал Покровский. – Все ждем Лизу.

Машина стояла за квартал от ресторана, куда в девятнадцать часов десять минут должна войти Настя. Лиза отпра-

вилась на разведку местности, и вот теперь все сидят и ждут Лизу. Покровский время от времени подбадривающе подмигивает Насте, но толку от этих подмигиваний...

А пятью часами раньше Настя сидела в парикмахерском кресле, и над ней трудились специалисты. Их было пятеро – один отвечал за одежду и обувь, второй за прическу, третий за руки, четвертый за бижутерию и аксессуары, пятый – за лицо. У каждого было по ассистентке, которые все время страшно суетились; по несколько больших сумок, которые все время открывались и закрывались... Мастера, их инструменты, их помощницы – все это вращалось вокруг Насти словно карусель, и она чувствовала себя героиней голливудского фильма, в котором из простушки делают принцессу. Поскольку дело происходило не на экране, то процесс преобразования занял не три минуты, а несколько часов.

Потом специалисты отошли в сторону и сказали Покровскому:

– Все.

Покровский посмотрел на Настю. Настя посмотрела на себя в зеркало.

– Все?

Странно. Настя увидела в зеркале не принцессу, не супер-модель и не королеву красоты. Она увидела там саму себя, причем себя повзрослевшую и посерьезневшую. Это с ней сделали сейчас или это случилось за последние несколько недель?

– Хорошо получилось, – сказал Покровский. – Лиза, как тебе?

Лиза зевнула. Последние дни она выглядела бледной, словно постоянно недосыпала. Лиза едва скользнула взглядом по преображенной Насте и махнула Рукой:

– Сойдет для сельской местности.

Настя еще раз оглядела себя в зеркале. Платье темно-синего шелка от Лагерфельда – это, конечно, хорошо, но существовала несомненная разница между нею, настоящей Настей, и той женщиной, что была видна в зеркале.

– Что это? Что они из меня сделали?

Покровский пожал плечами:

– Как что? Красивую девушку, которая должна скоро отправиться в хороший ресторан. По-моему, так.

– Как я тебе завидую, – сказала Лиза и громко рассмеялась. Покровский посоветовал ей заткнуться. Лиза исполнила приказ, но потом еще несколько раз смех невольно прорывался из нее короткими всплесками, причем смех этот был каким-то нехорошим, двусмысленным. Самым подходящим термином, который в связи с этим пришел Насте на ум, был «нервный смех», но все же и это слово было не совсем точным. Они сидели в машине и ждали Лизу, а Настя все пыталась сообразить, что же это был за смех, как будто от решения этой задачи зависело что-то очень важное.

Или, может быть, ей просто не нравилось, когда над ней смеются.

– Боже мой, – сказал водитель. – Артем, смотри...

Покровский подался вперед, Настя тоже – через лобовое стекло они увидели, как по переулку к машине бежит Лиза. Впрочем, слово «бежит» было не совсем точным описанием ее движений.

– Заводи, – сквозь зубы сказал Покровский. – Заводи и по-тихому задним ходом выезжай отсюда...

– Что-то случилось? – спросила Настя.

– Нет, ничего. Все в полном порядке, – сказал Покровский, не сводя глаз с Лизы. Потом он не выдержал, вылез из машины, в два прыжка подскочил к Лизе, сгреб ее за воротник куртки и зашвырнул на заднее сиденье. Машина мягко катилась назад, но Лиза тут же, как чертик из табакерки, выскочила из машины наружу. Покровский, зверея, толкнул ее назад, однако Лиза, заливаясь громким смехом, бросилась к нему на шею и повисла, обхватив майора ногами вокруг пояса.

Покровский ударил ее по лицу и снова втолкнул в машину, сам сел рядом и попытался утихомирить рыжую бестию. С той творилось что-то неладное – она безостановочно хохотала, хлопала себя ладонями по коленкам, прыгала на сиденье. На лице у нее было выражение абсолютного счастья, к которому была подмешана основательная порция безумия.

Этому счастливейшему лицу Покровский отвесил еще одну пощечину, но Лиза ее не заметила.

– Дура, ты чего сделала? – прохрипел Покровский, при-

жимая рыжую к сиденью.

– Я... обожаю... этот... город, – сквозь истерический смех проговорила Лиза. – Они тут... сами... просто вешаются...

Конец этой странной фразы утонул в новом приступе смеха. Когда Лиза заметила рядом с собой напряженную и ничего не понимающую Настю, она просто сложилась от смеха пополам.

– Она... наркоманка? – тихо спросила Настя.

– Нет, – сказал Покровский.

Лиза резко выпрямилась, и ее сморщившееся от хохота лицо оказалось в нескольких сантиметрах от тщательно ухоженного и застывшего, как маска, лица Насти.

– Ты... такая смешная... – проговорила Лиза. – Давай я и тебя...

Ее раскрытые губы потянулись к накрашенному рту Насти. И тогда Покровский взял Лизу сзади за шею и треснул лбом о спинку переднего сиденья.

Настя вскрикнула, потому что сделано это было с силой и со злостью, короче говоря – на совесть.

– Ничего, – сказал Покровский Насте. – Переживет. С нее как с гуся вода.

Он был прав, потому что Лиза продолжала смеяться, правда, не так громко, как прежде.

– Ну ты и дурак, – сказала она Покровскому, потирая ушибленное место. – Шуток не понимаешь.

– А ты знай место и время, – огрызнулся Покровский, гля-

дя на часы. – Девятнадцать ноль пять. Настя, вперед. Ни пуха тебе...

– К черту, – автоматически проговорила Настя.

Лиза задрожала от набирающего силу нового приступа смеха.

2

И тогда уже пришел черед Насти улыбаться, хотя с учетом всех сопутствующих обстоятельств специалист назвал бы эту улыбку «механической» или «немотивированной».

Она улыбнулась гардеробщику, положила номерок в сумочку и пошла на тонкий звук виолончели, доносившийся из обеденного зала. Как рассказал ей Покровский, в этом ресторане по вечерам играл струнный квартет. Уже одно это заслуживало улыбки.

Настя входила в зал, а какая-то пара выходила. Молодая женщина шла впереди, пожилой мужчина сзади. Женщина смеялась, мужчина что-то искал во внутреннем кармане пиджака. Их лица были скрыты полумраком.

Поравнявшись с Настей, женщина вдруг застыла, радостно вскрикнула и приобняла Настю за талию.

– Ну надо же, какой сю-юрприз! – сладко пропела она. – Помните, мы с вами познакомились на выставке якутских алмазов! Вы еще тогда прикупили такой дивный браслет...

Ну вот и еще один повод для улыбки.

– Нет, на выставке якутских алмазов была не я, – рассмеялась Настя. – Я была на выставке старинных испанских монет, но там не было вас.

– Разве меня там не было? – Женщина удивленно повернулась к спутнику.

– А разве была такая выставка? – пробасил мужчина.

«А с какой стати я вдруг ляпнула про какие-то испанские монеты?» – подумала Настя.

Она пошла дальше, к столику, где официант уже предупредительно отодвинул кресло.

Мужчина и женщина между тем шли к гардеробу.

– Сделал? – тихо спросила женщина.

– Сделал, – сказал мужчина. Когда они вышли на свет, он поднес к лицу правую руку и некоторое время рассматривал ее, будто видел в первый раз.

– Надолго хватит? – поинтересовалась женщина, в голосе которой уже не было ни капли сладости.

– Вроде бы хорошо легло, – сделал вывод мужчина. – Часа на два должно хватить.

– А больше и не надо, – сказала женщина. – Дальше уже само собой пойдет... Что с тобой?

– Рука... – Мужчина тряс правой рукой, как будто обжег ее. – И так каждый раз...

– Сейчас выйдем, и я все сделаю.

– Да уж, будь добра... Все-таки, – сказал пожилой мужчина, проводя ребром левой руки по правой ладони, словно счищая невидимую грязь, – лучше бы это были двигатели внутреннего сгорания. С ними проще.

Гардеробщик выдал им одежду и повернулся к только что вошедшим мужчинам. Это были, во-первых, постоянные клиенты, а во-вторых, состоятельные клиенты, а потому к

ним стоило проявить максимальное радушие.

– Здравствуйте, Михаил Давидович! – расплылся гардеробщик. – Приятно вам провести вечер...

Михаил Давидович холодно кивает, поправляет галстук, всматривается в свое отражение в зеркале. Он видит в зеркале подтянутого мужчину сорока шести лет, лысеющего брюнета, который знает цену себе, своим друзьям и своим врагам. Он видит в зеркале человека, который уверен в своем прошлом, настоящем и будущем.

И он не видит там человека, судьба которого кардинально изменится три минуты спустя, как только он войдет в обеденный зал и увидит одиноко сидящую за столиком девушку.

И тем более он не видит там человека, который погубит дело своего отца, своего деда и своего прадеда и тем самым станет причиной гибели многих и многих...

Между тем он и есть этот самый человек.

3

Первое, что спросил Михаил Гарджели у Насти, было:

– Вы давно здесь сидите?

А первым, что спросила Настя у Михаила Гарджели, было:

– Какое сегодня число?

Михаилу было бы невыносимо узнать, что девушка, так невероятно похожая на его покойную жену, сидит здесь уже час, или сутки, или месяц, а он все это время проходил мимо, не замечая ее и тем самым рискуя, что ее заметит кто-то другой...

Поэтому он облегченно вздохнул, когда Настя сказала:

– Минут десять.

Насте в свою очередь было бы крайне неприятно узнать, что с того момента, когда ее жизнь свернула с главной дороги в какое-то опасное и малоприятное ответвление, прошла целая куча времени; а стало быть, по этому ответвлению она уехала так далеко, что вернуться будет почти невозможно...

Поэтому она едва заметно улыбнулась, когда Михаил Гарджели сказал:

– Шестое декабря.

Прошло ровно три месяца, и Насте подумалось, что округлость даты – это хорошая примета. И что Нового года еще не было – тоже хорошая примета. Значит, не все еще потеряно. Значит, все еще можно развернуть в другую сторону,

превратить мрачный шпионский триллер в мелодраму, зрелище более скучное, но гарантированно бескровное.

И этот разворот совершился буквально в следующие несколько минут. Он произошел настолько быстро и невероятно, что Насте оставалось только подчиниться событиям и дать себя увлечь в каком-то новом направлении...

И только пару недель спустя она поняла, что все случилось именно так, как говорил ей майор Покровский.

Когда Настя вошла в обеденный зал ресторана «Хитроумный Одиссей» (средиземноморская кухня, немецкий капитал, российский менеджмент, армянские музыканты, украинские девушки для эскорт-услуг), струнный квартет исполнял некую изящную мелодию, которая начиналась с легкой грусти, а потом взлетела вверх и распускалась внезапной радостью, как вспышками салюта в ночном небе.

Эта мелодия не выходила у Насти из головы следующие несколько недель, став неслышным повседневным саундтреком к ее новой жизни, начавшейся с того, как Михаил Гарджели увидел ее и остановился, словно налетел на невидимую непреодолимую преграду. А Гарджели ощутил себя так, будто ходил Многие месяцы с зияющей пустотой внутри себя, а потом вдруг увидел прекрасное и идеально подходящее заполнение для этой пустоты.

Но ему было сорок шесть лет, и он решительно не верил в чудеса. Поэтому Гарджели взял себя в руки и зашагал дальше, к заказанному столику. Он даже сел рядом со своими

компаньонами, но выдержал меньше минуты; он снова вско-чил и почти побежал к незнакомой девушке, которая маленькими глотками пила кофе и слегка растерянно осматривалась по сторонам.

Вблизи сходство стало еще более очевидным, и у Гарджели даже закружилась голова.

– Вы давно здесь сидите? – не своим голосом проговорил он.

– Минут десять.

– Можно... Можно, я сяду? – спросил Гарджели, совершенно забыв про компаньонов, которые недоуменно наблюдали за ним со стороны.

– Пожалуйста, – сказала Настя. Она завораживала Гарджели просто самим фактом своего присутствия здесь, а Гарджели завораживал ее своим изумленным взглядом. Казалось, что этот человек на грани срыва – еще секунда, и он то ли зарыдает, то ли упадет без чувств, то ли покончит с собой.

– Какое сегодня число? – спросила она, чувствуя, как исполняемая струнным квартетом мелодия делает ее невесомой и не подчиняющейся любым законам – природы, общества...

– Шестое декабря, – сказал Гарджели. – Извините, – он вытер пот со лба. – Извините, я волнуюсь...

Один из компаньонов подошел к Гарджели, склонился к его уху:

– Миша, все в порядке?

– В порядке? А ты не видишь?

– Что я должен видеть? О господи... Миша, слушай, это действительно потрясающе, но, может быть, ты...

Не слыша этих слов, Гарджели снимает очки и обращается к Насте:

– Девушка, вы, наверное, примете меня за сумасшедшего...

– Для этого вам придется сильно постараться.

– Я хочу, чтобы вы были со мной.

Ошарашенный компаньон поспешно отходит в сторону, но искоса поглядывает на Настю и покачивает головой, повторяя про себя: «Потрясающе, потрясающе...»

Гарджели ждет ответа. Мелодия струнного квартета окончательно опутывает Настю, и она хочет лишь одного – пусть все будет как будет. Виолончель и альт пообещали Насте, что ничего плохого с ней случиться не может. Скрипки благословляют ее ответ.

– Если вы так хотите, – медленно говорит она, – пусть так и будет.

Гарджели неуверенно улыбается. Он не верит в чудеса. Он всего лишь хотел попытаться.

– Просто меня учили, что с сумасшедшими лучше не спорить, – добавляет Настя, и эмоциональное напряжение во взгляде Гарджели пропадает. Теперь он окончательно понимает, что перед ним не призрак умершей жены, а живой человек.

– Я хочу, чтобы вы были со мной, – повторяет он. – Я хочу познакомить вас со своими друзьями. Я хочу пригласить вас к себе домой.

В это время на заднем сиденье майор Покровский торжественно говорит Лизе:

– Ну вот и все. А ты не верила...

Я ничего не знала о Михаиле Гарджели тогда. Я почти ничего не знаю о нем сейчас. Был ли он хорошим человеком? Возможно. По крайней мере, со мной он был хорошим человеком. Каким он был с другими – не знаю.

Любила ли я его? Не знаю. Вряд ли мне тогда были под силу такие чувства, но я была ему благодарна – потому что до той встречи в ресторане я была похожа на лунатика, который шагает по карнизу небоскреба, не осознавая, где он и куда направляется. Гарджели был тем человеком, который осторожно взял меня за руку и помог сойти с карниза внутрь здания.

Любил ли он меня? Определенно нет, потому что меня настоящую он так и не узнал, а следовательно, не мог меня полюбить или возненавидеть. Он любил тот призрак, который увидел во мне, он изо всех сил пытался оживить его...

Если уж взрослый и многоопытный человек попадается в такую ловушку – чего стыдиться мне? Я просто плыла по течению и надеялась, что рано или поздно меня вынесет к берегу, я встану на твердую почву и пойму – вот земля, вот небо, вот деревья, а вот я...

Поначалу мне казалось, что вот уже скоро, вот уже скоро, но затем течение делало поворот, и вместо неба я снова видела бетонный потолок тоннеля, вокруг становилось темно...

И я опять закрывала глаза.

На заднем сиденье майор Покровский торжествующе говорит Лизе:

– Ну вот и все. А ты не верила...

Машина стоит в квартале от ресторана «Хитроумный Одиссей». На улице идет снег, который постепенно облепляет автомобиль, словно пирожное кокосовой стружкой. Внутри машины – как в маленькой уютной комнатке, где двоим достаточно друг друга. Лиза полулежит на скомканной куртке, Покровский поглаживает ее вытянутые босые ступни, мельком поглядывая на дисплей мобильного.

– Я поверю. Я поверю, когда она достанет ключ и найдет дверь, – отвечает Лиза, чьи щеки цветут румянцем, а глаза блестят пьяным весельем. – Я поверю, когда она откроет ключом эту дверь. И сделает все остальное. Только тогда я поверю, что весь наш цирк не был напрасной тратой времени.

– Как ты можешь сомневаться, если это идея самого...

– Это не его идея.

– Как так? – Рука Покровского, массирующая ступню Лизы, замирает. – Что ты имеешь в виду?

– Он не говорил, что девушку надо использовать именно так. Он говорил, что ее нужно оставить в живых, потому что она еще пригодится. Вот так он сказал.

– Но ведь тогда, в сентябре, ты говорила по-другому!

Настроение Покровского меняется, и все это больше не напоминает идиллическое любовное гнездышко. Но если майор Покровский багровеет от бешенства, то Лиза легкомысленно хихикает, словно школьница, удачно разыгравшая подружку.

Покровский не видит здесь ничего смешного, он зло сопит и резко подается к Лизе, явно не с дружескими намерениями.

– Ах ты, лживая тварь! Стерва! Ты же нас подставила!

Лиза играючи отпихивает его ногами, как будто в Покровском не девяносто килограммов, а с полпуда синтепоновой набивки. С ее лица не сходит широкая улыбка, а Покровский, кажется, сейчас лопнет от ярости.

– Ты все это задумала для себя! – орет Покровский. – Ты нам всем наврала!

– Сколько от тебя шума, – смеется Лиза. – Я не врала, ты просто неправильно меня понял. Я не говорила, что запустить девушку в дом Гарджели – это его идея. Его идея – не убивать девушку. И я не убила девушку, так что теперь она всем нам может пригодиться. Мне – в моих маленьких целях. Ему – в его грандиозных планах, о которых я, конечно же, ничего не знаю, потому что я – это всего лишь я, а он... Сам понимаешь, я не стала его подробно расспрашивать о планах... Извини, но и ты бы на это не решился, и никто бы на это не решился. Ты знаешь, что он не ответил ни на один

запрос Большого Совета? Ни на один за последние сто лет. Ему на них плевать. А уж на меня или тем более на тебя...

– И все-таки ты нас обманула.

– Немного.

– Интересно, что скажут остальные, когда узнают...

– Во-первых, мне на это плевать. Во-вторых, уже слишком поздно. В-третьих... – Лиза сначала прыскает в кулак, а потом звонко смеется в голос. – Извини... Извини, Тёма, но у тебя такое напряженное лицо, как будто ты сейчас родишь. Я не могу на это спокойно смотреть! – и она долго и заразительно смеется.

Однако у Покровского, похоже, иммунитет. Он даже не улыбается.

– Если это не его план, тогда зачем тебе все это было нужно затевать? Неужели только ради мести?

– Какой ты глупый... Какая месть, это было тысячу лет назад. Ну, не тысячу, но все равно давным-давно.

– Тогда в чем тут смысл?

– Скажем так – здесь сорок процентов коммерции. Сорок процентов заботы о завтрашнем дне. И двадцать процентов большого желания посмотреть, как мучается один мой старый знакомый...

– Это и называется месть.

– Неправда. Месть требует полной сосредоточенности. А ты же видишь, как я этим занимаюсь, – между делом, играючи, несерьезно... Это всего лишь двадцать процентов от об-

щего замысла и ни процентом больше. – Лиза взбрыкивает босыми ногами, едва не задевая Покровского по лицу. – Все, хватит скучных разговоров! Наконец-то мне не надо никого сторожить и я могу отправиться по своим ночным делам. Город ждет, я в хорошем настроении, у меня новая губная помада, так что... – Лиза ищет на полу сапожки и начинает обуваться. Покровскому эта идея совершенно не нравится.

– На сегодня тебе хватит, – мрачно говорит он.

– Не хватит. Я долго сидела на диете и хочу компенсировать эти тусклые неинтересные дни, эти одинокие ночи... Ну, не всегда одинокие, – добавляет она, глядя на кислое выражение лица Покровского.

– Спасибо, что вспомнила.

– Не обижайся. Ты делал все, что мог, но ты не мог дать мне *это*...

– А ты сможешь вовремя остановиться? Боюсь, что нет.

– Вот и бойся. Я люблю, когда меня боятся, – говорит Лиза, встряхивая куртку, на которой она только что лежала.

– И боишься, когда тебя любят?

– Это вопрос или это каламбур?

– И то и другое.

– За каламбур спасибо, а насчет вопроса... Покровский, меня нельзя любить. Бабочки не могут любить солнце, снежинки не могут любить луну...

– У тебя мания величия.

– ...хотя какое-то время они могут сосуществовать в этом

мире. Но проходят секунды, и снежинки тают, проходят часы, и бабочки умирают. А луна и солнце остаются, они просто не замечают ни снежинок, ни бабочек...

– То есть ты типа луна, а я снежинка?

– Довольно упитанная и усатая, но все же снежинка.

– Знаешь что? Честно говоря, я не очень-то верю в этот бред. То есть я, конечно, кое-что видел... Видел, как ты этого мальчика... Но остальное...

– Если ты думаешь, что я сейчас брошусь тебе что-то доказывать, – тогда ты еще глупее, чем я думала. Могу обещать одно – при случае я навещу твою могилу и сотру с нее грязь. Но не жди меня скоро. У меня могут быть дела.

– Ты все-таки психованная, – вздыхает Покровский. – А раз ты психованная, то тебе надо сидеть дома, а не шляться ночью по улицам.

Лиза фыркает в ответ:

– Если это и есть любовь в твоем понимании, тогда это довольно скучная штука. Для такой лживой твари и стервы, как я.

Она открывает дверцу и выскакивает в ночь, прежде чем Покровский успеет задержать ее. Чертыхаясь, майор вылезает из машины, но вокруг уже не видно ни души. Снег становится сильнее – как будто специально, чтобы скрыть Лизу.

Покровский достает пачку сигарет и нервно щелкает зажигалкой. Его ждет беспокойная ночь. Впрочем, не только его.

В сотне метров от Покровского рыжеволосая девушка замедляет бег, с улыбкой смотрит в ночное небо и произносит свою обычную молитву:

– Господь наш единый... Сиди там у себя в небесах и вниз лучше не смотри.

Между тем струнный квартет продолжал играть в голове Насти весь декабрь и весь январь. Вечер в ресторане «Хитроумный Одиссей» закончился тем, что Гарджели осторожно взял ее за руку и повел за собой. Они приехали в большой старый дом посреди парка, и, поднимаясь по его парадной лестнице, Настя ощутила себя Золушкой, которой наконец вернули утерянную туфельку.

Михаил Гарджели не стал ходить вокруг да около, он сразу показал Насте фотографии покойной жены и объяснил свою необычную настойчивость в ресторане. Настя не увидела в запечатленной на снимках женщине большого сходства с собой, но разубеждать взволнованного Гарджели не стала.

Они долго разговаривали той ночью. Настя рассказала о себе, причем это оказалось довольно просто: ведь после шестого сентября все в ее жизни было покрыто туманом – то непроницаемо-плотным, то почти прозрачным. Как рассказывать о том, в чем и ты сама не уверена? Настя сочла себя вправе пропустить этот период своей жизни, тем более когда сидишь возле горящего камина в зале, который больше похож на музей, чем на жилое помещение; когда рядом с тобой сидит мужчина, чьи зрачки блестят неподдельным волнением; когда стены дома кажутся непроницаемыми для зла и беспокойства...

Что ж, тогда легко поверить, что сон – это не то, что происходит сейчас, а то, что было до этого.

Настя задремала, а когда проснулась, то увидела, что Михаил сидит рядом и держит ее ладонь в своих руках. Альт и виолончель не соврали ей, скрипки не подвели.

За окном шел снег, а здесь трещал огонь в камине, со стен в коридоре смотрели старинные портреты, цветы стояли в роскошных вазах с многовековой историей, а охранники и прислуга перемещались с бесшумностью призраков, которым и положено обитать в таких особняках.

На следующий день Михаил показывал ей дом, Рассказывал о своих предках, грузинских князьях. Где-то на полпути между картинной галереей и библиотекой он спросил, не торопится ли Настя куда-нибудь, не ждут ли ее срочные дела. Настя ответила, что теперь она уже никуда не торопится. Михаил улыбнулся.

– Настя, – сказал он, – когда я попросил тебя быть со мной, я не имел в виду просто секс или просто брак. Я имел в виду нечто особенное. То есть сейчас это считается особенным, а когда-то это было само собой разумеющимся. Мне нужна женщина, которая будет постоянно со мной, изо дня в день. Мне нужна спутница, собеседница, друг... Моя первая жена была именно такой женщиной. Но ее больше нет, и после ее смерти я все время чувствовал себя потерянным в этом огромном доме. Вчера все изменилось, и я хочу, чтобы ты осталась. Я веду довольно замкнутый образ жизни, я вряд

ли смогу предложить тебе насыщенную светскую жизнь, я не буду поощрять твою карьеру... Ты мне нужна здесь, дома, рядом со мной.

– Это серьезное предложение, – сказала Настя. – И оно требует серьезных размышлений.

Она произнесла это не потому, что действительно так думала, а потому, что в ее представлении такая фраза была обязательной частью ритуала. Михаил понимающе кивнул, и Настя это поняла так, что ритуал соблюден.

– Я могу уладить твои дела в университете, – сказал Михаил. – Тебе оформят академический отпуск, и ты можешь потом продолжить учебу. Если захочешь.

– Спасибо, – сказал Настя. – Ты ведь дашь мне несколько дней на размышление, да?

– Конечно.

– А у тебя есть лошади?

– Лошади? – Он улыбнулся. – Есть, только не здесь, а за городом.

– Мы сможем кататься?

– Конечно.

– А можно еще вопрос?

– Сколько угодно вопросов.

– Кем ты работаешь?

Михаил поднял брови:

– А ты не знаешь?

– Откуда?

– Ты вчера увидела меня впервые?

– Да.

– Мне бы надо сказать, что я тебе не верю... Но я теперь верю во все.

– Так что насчет работы?

– Не волнуйся, у меня есть постоянный источник дохода. Хотя, по сути дела, настоящей работы у меня нет.

– Как так?

– Я старший сын в семье, я унаследовал состояние отца и неплохо им распорядился. У меня есть недвижимость, с которой я получаю доходы. Проще говоря, сейчас я живу на проценты с того, что заработали мои предки, и с того, что заработал я сам лет пять-десять назад. Моя работа – следить за тем, чтобы деньги были пристроены и приносили прибыль. Это не так сложно, и это не занимает много времени.

– Если это не занимает много времени, что же тогда занимает твое время?

– Этот дом... Я разбираю семейные архивы... И еще я хочу, чтобы мое время занимала ты. Что? Ты как-то странно на меня смотришь...

– Я думала, что такие люди остались в позапрошлом веке. Я не думала, что мне повезет встретить хотя бы одного такого...

Позже, расслабившись в широкой ванне с кранами в виде золотых львиных голов, слушая внутри себя мелодию струнного квартета громкостью не сильнее комариного писка, На-

стя вспоминала прошедший день и воспринимала его как роскошную сказку, в которую ее занесло по недоразумению.

Но стоило ей завести руку за спину и убедиться, что небольшое утолщение под кожей у основания шеи никуда не исчезло, как гармония нарушалась, будто в бокал с родниковой водой кто-то капнул черных чернил.

Через несколько дней Михаил устроил что-то вроде представления Насти узкому кругу друзей. Там были и те трое его компаньонов, с которыми Гарджели заезжал в «Хитроумный Одиссей» памятным вечером шестого декабря, но были и новые лица. Приехали пятеро других мужчин, и среди них тонкий бледный юноша, который был красив не человеческой, а картинной красотой. Было странно видеть, что он может ходить, сидеть, смеяться, есть. Насте казалось, что ему впору застыть рядом с античными статуями в изысканной статичной позе, но юноша так не думал и двигался весьма живо.

– Это мой младший брат, Давид, – сказал Михаил. – Он специально приехал в город, чтобы посмотреть на тебя.

– Нет, – поправила Настя. – Он приехал посмотреть на девушку старшего брата.

– Он опять меня опередил, – грустно сказал Давид. – Но если надумаете сбежать от этого зануды, то запишите мой номер телефона. Если бы я встретил вас раньше Михаила! – Он покачал головой, и в грусти его лицо стало даже более прекрасным.

«Если бы я встретила тебя год... даже полгода назад... – подумала Настя, – я бы вцепилась в тебя руками и ногами, но... А почему полгода назад? Что такого случилось полгода назад?»

Пульсирующая боль вдруг поползла от шеи к затылку. Настя извинилась и вышла из комнаты.

– Когда я первый раз ее увидел, – негромко говорил тем временем Михаил, – я окаменел! Сходство с Еленой было потрясающее, просто как сестра-близнец! Наверное, дело было в освещении, потому что утром все было немножко не так...

– Да, – вздохнул пожилой лысый грузин. – Так оно обычно и бывает. Утром все по-другому.

– Но дело не во внешнем сходстве, – обернулся к нему Михаил. – Дело в другом...

– А ты не оправдывайся, – сказал лысый грузин. – Это твой выбор, а значит, в случае чего тебе мучиться и тебе же радоваться. Твои риски, твои прибыли. Ты только не торопись...

– Я не тороплюсь. И она не торопится. Я думаю, к весне мы примем окончательное решение.

– Миша, какая весна? Ты уже принял решение, если сейчас говоришь «мы»...

В комнату вернулась Настя, и лысый грузин моментально сменил направление разговора:

– ...так что, Миша, мужчина – это крепость, но женщина – ключ от крепости. Мне кажется, с Настей тебе очень повезло, и...

При слове «ключ» боль снова выбралась из укрытия и вцепилась Насте в шею. С ключами все было не так просто.

Можете верить или не верить, ночувство зависти проснулось во мне не при виде особняка Гарджели, не при виде его автомобильной коллекции и не от осознания факта, что этот человек никогда не был бедным и никогда им не будет. Горячие пузырьки зависти забулькали во мне, когда я увидела двух братьев – Михаила и Давида – вместе, увидела, как они улыбаются друг другу, как они разговаривают, касаются друг друга... Я кожей почувствовала, что между братьями есть такая неразрывная связь, такое понимание и такая нежность, каких мне еще не приходилось видеть. И каких в моей жизни не было никогда ни с одним человеком.

И когда Давид поцеловал мне руку, он показал, что готов полюбить меня, кто бы я ни была, просто потому, что меня выбрал его брат.

А мне хотелось плакать от тоски по таким чувствам, мне хотелось плакать потому, что где-то внутри меня было ощущение, что я ничего хорошего не принесу этому дому, что я как вирус, который разрушит все здесь, оставив лишь хаос и боль.

Нужно представить всю любовь Давида к брату, чтобы понять всю его ненависть ко мне.

Идиллия в снежных тонах и в струнном сопровождении не дотянула до весны трех недель.

Это был день, начавшийся неторопливой и нежной любовью. Это был день, продолжившийся поездкой за город, где лошади косились на гостей большими красивыми глазами и встряхивали гривами. Этот такой обычный и такой замечательный день должен был закончиться тремя часами музыки Верди в оперном театре, но день ею не закончился, он судорожно впился в ничего не подозревающую ночь, а утром...

Утром все уже было совсем по-другому.

Но сейчас еще нет и полуночи, музыка Верди стихла, лимузин привез Михаила Гарджели и Настю в особняк, и вот дрова приятно трещат в камине. На антикварном столике неподалеку – начатая бутылка красного вина и один бокал. Михаил сидит в большом уютном кресле с раскрытой газетой. На столике рядом с бутылкой почта – несколько конвертов разного формата, газеты. Михаил погружен в чтение и не слышит, как сзади к нему подходит Настя, босиком, в халате. Она облакачивается о спинку кресла и заглядывает в газету не потому, что ее заинтересовала динамика цен на недвижимость и котировки акций нефтяных компаний, а потому, что ей нужно внимание Михаила.

– Ты еще долго? – спрашивает Настя.

– М-м-м... Пожалуй.

– А в другое время нельзя этим заняться?

– У меня нет *другого* времени. У меня есть только *это* время.

– Ты такой нудный.

– Да, я в курсе.

– Я уйду от тебя.

– Надеюсь, недалеко?

– Очень далеко. Я пойду наверх и стану оплакивать свою несчастную женскую долю.

– Договорились.

Настя перегибается через спинку кресла, целует Михаила в висок, потом разворачивается и уходит. Возле лестницы, ведущей на второй этаж, она встречает охранника и игриво машет ему рукой. Охранник сдержанно кивает и продолжает неспешно обходить этаж. Настя поднимается по лестнице, охранник искоса поглядывает ей вслед.

Пока Настя поднимается по лестнице, выражение её лица начинает меняться – и вскоре на нем нет ни следа игривости, нет ни скуки, ни беспечной радости. Это сосредоточенное лицо человека, у которого есть какое-то важное дело.

На втором этаже Настя подходит к двери спальни, заходит, зажигает лампу на прикроватном столике, откидывает одеяло на кровати, взбивает подушку, кладет поверх одеяла раскрытую книгу. Встав у двери, Настя осматривает пристальным взглядом спальню. На первый взгляд кажется, что

хозяйка читала перед сном, но затем отложила книгу и вышла на минутку в ванную комнату. Так и должно казаться, а Настя тем временем выскальзывает из спальни, торопливо шагает в сторону ванной комнаты, но минует ее, идет дальше и дальше, пока коридор не начинает сужаться.

Наконец Настя оказывается в небольшой темной комнатке, похожей на кладовку или подсобное помещение. Здесь составлены какие-то картонные коробки, доски, мешки с цементом – то ли остатки после ремонта, то ли заготовки к нему. Освещения в комнате нет, и может показаться, что дальше из комнаты прохода нет. Но Настя была здесь днем, и поэтому сначала она нагибается и вытаскивает из укромного места фонарик, а потом осторожно переступает через ведра и мешки, снова нагибается и проходит под стремянкой, после чего оказывается в узком проходе. Фонарик она не зажигает, потому что не знает, насколько еще хватит батареек. Настя двигается на ощупь, и через несколько метров проход заканчивается дверью.

Настя останавливается, прислушивается и, не уловив ничего подозрительного, достает из кармана халата ключ, старомодный массивный ключ с двойной бородкой.

Пальцем она нащупывает в темноте замочную скважину, вставляет ключ, с усилием поворачивает...

Сухой щелчок кажется ужасающе громким, похожим на выстрел. Настя с дрожью в коленках выжидает, но не слышно ни воя сигнализации, ни тревожных воплей охраны. Она

толкает дверь, и та мягко поддается вперед.

За дверью – площадка металлической винтовой лестницы. Сама лестница идет отсюда и вверх, и вниз. Настя закрывает за собой дверь и некоторое время размышляет, покусывая большой палец.

Потом она решается и идет вниз, считая ступени под ногами. Пройдя уже ступеней тридцать, Настя вдруг понимает, что ей нужно было запереть за собой дверь.

Она растерянно смотрит вверх, в темную бездну над собой. Слишком поздно. Слишком поздно – Настя так часто повторяла эти два слова в последнее время, что будь ее жизнь песней, то «слишком поздно» стало бы припевом.

Настя шагает вниз, и вроде бы ее сейчас должен беспокоить холод, царящий внутри каменного колодца, но куда больше ее заботит пульсация в том самом уплотнении в основании шеи. Это отчасти похоже на зубную боль, а вдобавок кожа вокруг болезненной точки становится горячей и сухой.

Подарок майора Покровского.

Вероятно, майор Покровский думал, что офицерская столовая для Насти сейчас все равно что парижский ресторан, но он заблуждался. Тем более что в чашке чая плавал обычный пакетик «Липтон», да и ровно выложенные квадратики печенья не годились на роль деликатеса. Но Покровский старался, это приходилось признавать.

И вот он опять смотрел на Настю полными сочувствия глазами и произносил слова, в которых сочувствия было чуть меньше. А за этими словами, наверное, прятались мысли, в которых сочувствия не было совсем, но Покровский прикрывал эти мысли внешностью здоровяка-недотепы, который бы и мухи не обидел в этой жизни, если бы не приказ начальства.

– Ты должна выполнить задание, эффект от которого компенсирует ущерб от твоих преступлений. Понятно?

Настя не помнила своих преступлений, но раз Родина в облике майора Покровского требует компенсации... Это же не урод Сахнович, можно и попробовать.

– Кое-что произойдет. И когда это произойдет, ты должна будешь забыть о плане Б, об убийствах, обо мне... Забыть об этом и вести себя совершенно свободно, раскованно. Ты должна подчиниться событиям, дать им нести тебя... Ты должна полностью погрузиться в эту новую ситуацию. С того

момента, как ты войдешь в ресторан, ты будешь действовать одна. Никто из наших не будет тебя пасти.

Настя хотела спросить, когда же, собственно, случится эта компенсация, однако Покровский заговорил про другое:

– Но нам нужны гарантии, что ты никуда не сбежишь.

– Я могу дать честное слово.

– У нас есть идея получше. И мы эту идею уже воплотили в жизнь. Я поясню... Тебе в организм имплантировали микроскопическое взрывное устройство. Если ты попытаешься сбежать или тем более предать нас, оно сработает. То есть кто-то из нас нажмет кнопку, устройство получит радиосигнал и взорвется. Мощность у этой штучки небольшая, но ее хватит, чтобы повредить центральную нервную систему. И ты останешься неподвижным инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Это в лучшем случае.

Все это Покровский говорил, глядя не на Настю, а на клетчатую скатерть.

– Что значит – имплантировали? – тихо спросила Настя.

– Имплантировали? Ну, это значит вживили в организм.

– Доктор?

– Ну кто же.

– Давно?

– Какая разница...

– Где эта...

– Я не знаю, – решительно замотал головой майор. Даже слишком решительно, Настя испугалась, что у него голо-

ва отвалится. Это, наверное, должно было означать, что он, Покровский, такими грязными делишками не занимается и знать о них не хочет, это все начальство...

– Зато я знаю. – Настя положила себе руку сзади на шею, стала прощупывать кожу...

– Ты там осторожнее, – предупредил Покровский, снова потупив взор. – В этой штуке есть защита от несанкционированного удаления, так что ты ее особо не тискай, а то сроботает...

Настя медленно отвела руку.

– Извини, но другого выхода не было, – сказал Покровский.

– Да как вы?.. Да кто вам?.. Сволочи, – тихо сказала Настя, и слеза скатилась по ее щеке. – Какие же вы сволочи.

– Извини, – повторил Покровский. – Когда все закончится, мы обязательно удалим эту дрянь. Пойми, это вынужденная мера. Мы ее удалим, и ты все забудешь... То есть не почувствуешь. Я имел в виду, что ты даже не почувствуешь, как мы ее вытащим.

– Еще бы, – всхлипнула Настя. – Я же не почувствовала, как вы мне ее вставили. Тут у вас талант... Талант использовать других людей...

– Но так надо, – задушевым голосом проговорил Покровский. – Так надо, Настя. Ты поможешь многим-многим людям...

– Ну да, конечно. Тебе, Лизе, Сахновичу... Кому еще? Это

не «многим людям», это совсем не «многим людям»!

– Ты ошибаешься. Когда ты узнаешь про свое задание больше, ты поймешь.

Два месяца спустя в женском туалете оперного театра Настя получила дополнительную информацию. В зеркале над умывальниками вдруг возникло рыжее облако. Лиза улыбнулась своему отражению и прошептала:

– Ты должна достать ключ от крайней комнаты второго этажа левого крыла. Твой будущий муж, наверное, держит его в своем кабинете, отдельно от всех других ключей. Это особенный ключ, ты поймешь, когда его увидишь...

– Я его видела.

– Ты уверена?

– У него в кабинете есть старинные часы в форме рыцарского замка. И на вершине одной из башен лежит большой пыльный ключ. Как будто его сто лет не трогали.

– На часах? – Лиза улыбнулась.

– Ну да, конечно... Скорее всего, это он. И что мне делать с этим ключом?

– Открыть дверь. И посмотреть, что за дверью. Зачем же еще нужны ключи от чужих дверей, как не для этого?

Ступени винтовой лестницы никак не кончались. Настя насчитала их уже больше сотни, но лестница все закручивалась, будто просверливала почву и уходила к центру земли. Становилось все холоднее, и как Настя ни заворачивалась в халат, избавиться от дрожи не удавалось. Впрочем, причиной дрожи мог быть и не холод.

Решимость Насти уменьшалась с каждым шагом, но когда этой решимости осталось на самом доньшке и Настя посветила фонариком, чтобы оценить обратный путь, тут оказалось, что до земли всего пять или шесть ступеней. Она так заторопилась, что едва не полетела кувырком с последней ступени. Вот было бы смешно...

Настя снова посветила фонариком. Небольшой коридор, а в нем... Собственно, и все. Просто небольшой коридор, который никуда не ведет. Здесь было еще холоднее. Настя прошла по коридору, пока не уперлась в стену. Тупик. Очень интересно.

Настя для верности несколько раз ткнула в стену кулаком, но стена не развалилась, стояла себе, как и прежде. Остальные стены тоже не производили впечатления театральных декораций. Они были старые, прочные, пыльные, холодные... И совсем-совсем не гостеприимные. Настя вдруг подумала, что где-то в здешней темноте наверняка водятся па-

уки с их паутиной. И если такой паук свалится сейчас ей за шиворот... А про крыс вообще лучше не вспоминать, так что...

Звук раздался из-за той самой тупиковой стены, которую Настя проверяла на прочность. Это был негромкий звук, но в окружавшей Настю тишине он прорезался довольно внятно.

И все равно Настя в него не поверила. Она застыла у нижней ступени лестницы и выждала, пока звук не повторился.

Когда же из-за дальней стены во второй раз прозвучал низкий и тягостный звук, похожий на попытку завести огромный старый проржавевший механизм, Настя не обрадовалась и не захлопала в ладоши.

Вот теперь ей стало по-настоящему страшно. Потому что если эти слова Лизы оказались правдой, то, значит, правдой было и остальное.

– Зачем же еще нужны ключи от чужих дверей, как не для этого? – Лиза поправила прическу и оценивающе взглянула на вечернее платье Насти, после чего нахмурилась. – Короче, зайдешь, посмотришь, расскажешь...

– Что может быть там такого интересного, что спецслужбы устроили целую операцию ради одного ключа?

– Ради одной двери.

– Вот именно! Вы же такие всемогущие! Почему вы не можете получить ордер, войти в дом, обыскать его, и если там есть что-то незаконное... Хотя какие у Миши могут быть проблемы с законом?

– Аж противно слушать этот детский лепет! «Какие у Миши могут быть проблемы с законом»... А почему у Миши не может быть проблем с законом?! Ты так хорошо его знаешь? Тогда ты, наверное, в курсе, что твой Миша – один из главных людей в грузинской мафии...

– Это что, шутка?

– А что в этом смешного?

– Миша не может быть в мафии, я знаю, какие там бывают люди...

– Откуда ты знаешь? Из телевизора? Слушай сюда, девочка-припевочка, твой Миша – самый настоящий бандит. Он мафиозный начальник. Сам он не убивает людей, он отдает

приказы. Ясно?

– Я тебе все равно не верю, но... Но допустим, я возьму ключ. Допустим, я открою эту дверь, что я там должна увидеть?

– Не знаю.

– Врешь. Ты знаешь, иначе бы не было этой операции...

Что там?

– У нас есть предположение.

– Ну?

– У нас есть предположение, что там находится заложник.

Растерянное Настино лицо замерло неподвижной маской.

– Что? А ты думала, что Миша – это прекрасный принц на белом коне? Хотя, если он дарит такие симпатичные колечки... – Лиза тронула Настю за руку, – ему можно многое простить.

И вот теперь Настя попыталась рассуждать логично. Если там заложник, то Миша – начальник грузинской мафии. Если он из мафии, то что он сделает с девушкой, которая залезла в его секреты? И от чего, интересно, умерла его первая жена, по которой он так печалился? Может быть, и она тоже зашла в запретную комнату? Может быть, она увидела то, что ей не полагалось видеть? Мама, как же здесь холодно... И как же здесь страшно.

Настя посмотрела вверх, куда уходила казавшаяся бесконечной винтовая лестница. Еще можно убежать. Хотя бы попробовать убежать. Попробовать прикинуться – мол, ничего знать не знаю, ведать не ведаю. Ключ не брала, дверь не открывала, по лестнице не спускалась, звука из-за стены не слышала. Интересно, поверят ли ей. Интересно, сможет ли она вытравить страх из своих глаз. Интересно, сможет ли она сбежать из этого дома. Как много интересных вопросов есть в мире... И лучше бы никогда не встречаться с этим интересным. Лучше жить скучно, спокойно и долго.

Это была разумная мысль, но, как бывает со всеми разумными мыслями, она пришла слишком поздно.

– Выпустите меня, пожалуйста.

Настя вздрогнула и обернулась.

– Прошу вас. Я пленник, меня здесь удерживают против

моей воли.

Тихий жалобный голос прошелестел в ее ушах, заставил сжаться сердце в перепуганный комок. Наверное, где-то в стене была щель, и через эту щель заложник сейчас разговаривал с Настей.

Она еще раз посмотрела вверх, в темное никуда...

– Пожалуйста, выпустите меня. Бога ради...

Настя подумала, что, наверное, еще минута у неё есть. Она посветила перед собой, подошла к стене, попыталась найти щель, из которой доносится голос, но так ничего и не увидела.

– Я слышу вас, – шепотом сказала она. – Я расскажу людям, что вы здесь. За вами придут.

– Будет уже поздно. Завтра они меня убьют! Я знаю, я слышал их разговоры... Выпустите меня сейчас!

– Я ничего не могу сделать одна, тут ведь стена.

– Это не стена, это дверь.

– Что?

Настя щелкнула кнопкой фонарика и внимательно посмотрела перед собой.

– Это все-таки стена.

– Но я видел, как она открывалась...

– Тут ни замочной скважины, ничего такого похожего на дверь... Я пойду и расскажу людям, они придут и сломают стену...

– Должен быть какой-то код...

– Как это?

– Эта дверь открывается не ключом. Надо нажать на специальные точки... Или постучать специальным стуком. Что-нибудь в этом роде.

– Но... я не знаю кода!

– Это должно быть что-то простое, что-то примитивное... Ну, как обычно.

Настя вдруг подумала, что голос из-за стены не очень походил на голос истощенного и отчаявшегося заложника. Судя по виденным ею фильмам, отчаявшиеся заложники делились на две категории: одни впадали в буйное помешательство, другие молча лежали в углу, потеряв интерес к жизни. Тут Настя столкнулась с новой, третьей разновидностью. Этот несчастный узник пытался командовать.

– На двери с твоей стороны есть какой-то рисунок? Какая-то надпись?

– С моей стороны просто кирпичная стена. И тут плохо видно... Мне нужно идти...

– И ты бросишь умирающего? Бог не простит тебе, не простит... – голос превратился в слабеющий стон.

– Но если меня поймают, то никто никогда за вами не придет!

– Тебя не поймают. И ты сейчас откроешь эту дверь.

– Как?!

– Ну давай попробуем... Нарисуй на стене вот такую штуку...

– Чем я ее нарисую? – торопливо перебила Настя.

– Кровью, само собой! У тебя ведь есть что-нибудь острое?

Настя на всякий случай отошла от стены.

– Нет у меня ничего острого, и не собираюсь я мазать своей кровью всякие грязные стены...

– Всего лишь несколько капель, – простонала стена.

– Нет, никаких капель, я уйду! – Настя быстро зашагала к лестнице, наверное, слишком быстро, потому что когда фонарик вдруг погас, и Настя оказалась в полной темноте, и надо было срочно затормозить, то Настя не смогла, и страх немедленно взял ее за горло, сделав движения судорожными, неуверенными; колени задрожали, а руки зашевелились в поисках стены, в поисках опоры, и когда кончики пальцев почувствовали что-то похожее, Настя то ли прыгнула, то ли упала в ту сторону. Все это случилось за секунду, но слишком много страха было в этой секунде, и Настя буквально прилипла к холодной стене, боясь от нее оторваться, боясь сделать хоть шаг по коридору. Ее сердце стало невыносимо большим, заполнив всю грудную клетку и колотясь в нее обезумевшим поршнем. Ожидая, пока поршень успокоится, Настя несколько раз встряхнула фонарик, нажала кнопку, и лампочка все-таки соблаговолила зажечься.

Настя вздохнула сначала облегченно, а потом с удивлением и с запоздалой болью – луч света упал на ее кисть, и та была исцарапана до крови. Настя перехватила фонарик в ле-

вую руку и убедилась, что с правой – та же самая история; наверное, это были последствия отчаянного прыжка к стене. Сначала Настя хотела просто вытереть окровавленные пальцы о халат, но потом...

То ли она вспомнила сама, то ли до нее снова донеслось: – Всего лишь несколько капель...

Настя повернулась к стене.

– Ну и что? Что мне делать с этими каплями?

– Ради бога, подойди ближе... Посмотри на стену, может быть, там есть какие-то знаки...

– Нет там никаких знаков, – сердито сказала Настя. – Я уже смотрела, так что...

Она вдруг увидела, что стена перед ней меняет свой цвет. Кирпичи словно молодели на глазах, сбрасывали с себя столетнюю грязь и приобретали сначала красный, а потом темно-оранжевый цвет. Изумленная Настя подошла ближе, вытянула руку с фонариком, чтобы лучше видеть, и стена, словно откликнувшись на ее приближение, стала «линять» еще быстрее. Темно-оранжевый цвет – цветом спелого апельсина, потом на секунду вспыхнул лимонной желтизной, а потом вдруг белым как снег, а потом...

Потом все цвета исчезли, и кирпичи стали прозрачными, а также – по крайней мере по виду – утратили свою твердость. Остались заметными их соприкасающиеся грани, отчего по-прежнему было понятно, что стена не сплошная, а сложенная из многих элементов. И теперь стало видно, что

за этой стеной есть пространство, но разглядеть какие-то детали было невозможно.

– Теперь ты видишь? – спросил голос из этого пространства.

Настя не ответила, она не могла оторвать взгляда от прозрачной стены, которая едва заметно колыхалась и тем самым наводила на сравнение с огромной прямоугольной медузой, перегородившей проход. Настя терпеть не могла медуз, она ненавидела темные холодные подземелья, но сейчас ее охватило новое чувство, и оно было сильнее всех прежних страхов. Настя видела, как меняются вещи, и ей было ясно, что вещи меняются из-за нее. Она не знала, как именно это происходит, но она видела, как кирпичи превратились в прозрачное желе, и теперь она не могла завизжать от страха и убежать, она хотела увидеть, что будет дальше.

Что будет, если она сделает еще шаг вперед и... Она сделала этот шаг, по-прежнему вытянув вперед руку с фонариком. И ее рука вошла в стену. Было странно видеть собственную руку внутри обесцветившихся кирпичей, но все было именно так. Стена была холодной и чуть влажной, она практически не сопротивлялась Насте, она впустила в себя руку, а как только Настя двинула вперед все тело, стена просто расступилась. Образовался проход примерно в метр шириной, Настя поспешно миновала его и обернулась, боясь, что прямо сейчас стена сомкнется и замурует ее здесь на веки вечные.

Но этого не случилось. Настя повела фонариком вверх-

вниз и заметила, что вверху стена снова начинает темнеть, приобретая цвет, но происходит это очень медленно. Что самое главное – стена больше не шевелилась, не дрожала, не двигалась, была просто неподвижной, как, впрочем, и положено стенам.

– Я же говорил, – раздалось из темноты, теперь более отчетливо и громко. – Не надо никого звать, можно все сделать и самому... Теперь иди сюда, скорее...

Настя повернулась на голос. Фонарик высветил бледное пятно, похожее скорее не на человека, а на тонкий древесный ствол. У Насти пересохло в горле. Пара движений фонариком помогли прояснить, что это все-таки человек. И этот человек висит на стене с расставленными в стороны руками и ногами, словно истончившаяся звезда.

И еще Настя увидела, что все это было бессмысленно, потому что и ноги, и руки, и шея этого тощего, как спичка, мужчины были закованы в кандалы. Он висел в них, словно в паутине из железных цепей.

Это был старик с длинными седыми волосами, и выглядел он так ужасно, что непонятно было, как он вообще может подавать признаки жизни и тем более говорить.

Но старик говорил. И говорил он довольно странные вещи.

– Не может быть, – сказал он, когда Настя подошла совсем близко. – Женщина?! Нет, нет, только не это!

В этот момент Настя услышала шум, в котором не то что-

бы узнала, а просто угадала звук двери, которую резко распахнули, а потом так же резко захлопнули. А потом был звук, очень похожий на шаги вышедшего на лестницу человека.

В связи с этим она забыла спросить заложника, что именно его не устраивает в ее половой принадлежности.

12

– Кто здесь? – раздалось сверху.

Настя закусил губу – она не просто попала, она попала глупо. Она с самого начала знала, что попадется, и вот...

– Кто здесь?

– Он что, думает, что ему ответят? – прошептал старик со стены. – Идиот...

– Извините, – таким же шепотом сказала Настя. – Я не смогла вас спасти. Теперь нас, наверное, убьют...

– Что делать, – проговорил старик. – Таковы правила. Попался – умри. Хотя... Хотя если ты считаешь, что тебе еще рано умирать...

– То что?

– Дай мне воды.

– Воды?! У меня нет воды!

– Это плохо. Что, совсем нет воды?

– Совсем!

– Надо найти. Хотя бы чуть-чуть.

– Да при чем тут вода?! Сейчас нас поймают, а вы про воду!

– Но бежать тебе все равно некуда, – вкрадчиво раздалось со стены. – Так почему бы не потратить последние секунды жизни на помощь умирающему от обезвоживания старику?

– Для умирающего вы как-то слишком много разговари-

ваете...

– Это я из последних сил... – простонал старик, но Насте показалось, что в темноте он ехидно ухмыльнулся.

– Эй! – продолжал разговаривать с темнотой спускающийся по лестнице охранник. – Тут есть кто? Выходи по-хорошему, а то как зафигачу...

– Что он сделает? – не понял старик.

– Наверное, выстрелит.

Старик что-то сказал в ответ, но Настя уже не слушала его, она прошла сквозь проход в темнеющей стене и двинулась к лестнице, кляня себя за то, что не сделала этого раньше. Она же знала, что все кончится именно так, она же чувствовала, она же... Но, может быть, еще удастся отвертеться, наболтать что-нибудь...

Она едва не вскрикнула оттого, что левая нога угодила в холодную лужу. Тапочка мгновенно потяжелела, стала противной и липкой. Настя провела рукой по стене – здесь тоже была влага. Наверное, подтаявший снег просачивался сквозь крышу, стекал каплями холодной воды по стене...

Голос ударил ей в спину:

– Нашла воду?

От шепота старика было не укрыться.

– Нет!

– Но у тебя мокрые руки...

– В том-то и дело! Только руки намочила...

– Дай мне их.

Настя изумленно обернулась к едва заметному бледному пятну на стене.

– Протяни руку и намочи мне губы, – сказал старик. – Что, так сложно?

– Нет...

Она подошла к старику и вытянула вверх правую руку.

– Где вы... там?

Нижняя часть его лица ткнулась в ладонь резко и сильно, как-то даже по-животному. Несколько секунд шершавые сухие губы терлись о ладонь Насти, впитывая в себя всю до последней молекулы воду. Настя в это время зажмурила глаза, хотя кругом и так было темно, а еще она с удовольствием заткнула бы уши, поскольку звук всасываемой влаги был поистине отвратителен.

– Вторую, – деловито сказал старик, и Настя послушно протянула левую руку. Теперь Настя познакомилась и с языком, который набросился на ладонь Насти, как змея, исследуя каждый сантиметр ее ладони.

Настя не выдержала и сама отняла руку, потому что к горлу уже подступила тошнота.

– Ты... молодец, – проговорил старик. – Бог, он все видит... Он не забудет, как ты помогла старику... А теперь иди.

– Куда – иди? Там – этот, с пистолетом...

– Он тебе ничего не сделает. Ты ведь имеешь какое-то отношение к хозяину дома, так?

– Откуда... Откуда вы знаете?

– Иначе бы стена не раскрылась. Иди, иди...

Настя посмотрела на растопыренное на стене существо, которое вызывало у нее все больший страх... И ноги сами понесли ее к лестнице. Там, по крайней мере, все будет понятно – охрана, Миша и так далее.

– Стой! – окликнули ее, как только Настя поставила ногу на первую ступеньку. – Стой, не двигайся.

Настя задрала голову вверх, навстречу лучу фонарика.

– Блин, – сказал охранник. – Какого... То есть как вы сюда попали?

– Я? Я и сама не пойму... Может, лунатизм? Я не помню, как сюда попала, очнулась только, когда вы крикнули. Боже ты мой, я же в одном халате, а тут такой холод! Где это я вообще?

– Там, куда лучше не ходить, – мрачно ответил охранник. – Поднимайтесь наверх, Михаил Давидович вас уже полчаса ищет...

– Неужели?! – Она побежала вверх по лестнице, хлюпая мокрой тапочкой. – Какой кошмар...

– Вы поднимайтесь, – сказал охранник. – А я спущусь вниз, проверю, что там и как...

– Да чего там проверять, – неуверенно сказала Настя, но охранник не последовал ее рекомендациям. Он спускался вниз и на ходу пытался связаться с остальными по радиации, но сигнал, видимо, не проходил через эти стены. Охранник чертыхался.

Настя сделала пару шагов навверх, но потом остановилась. Ноги и руки тащили Настю вверх, но ее расширившиеся от страха глаза не могли оторваться от черной бездны, в которую уходила лестница и в которую только что сошел по ступеням охранник, громяхая ботинками по ступеням.

– Подождите! – внезапно выкрикнула она. – Подождите, я с вами!

И ноги, почти не сгибаясь, нехотя побежали по ступеням вниз. Охранника уже не было ни видно, ни слышно, фонарик предательски замигал, Настя жала на кнопку, и тут...

Звук был искажен изгибами коридора, так что непонятно было, кто кричит и о чем именно кричит. Но самого крика было достаточно, чтобы Настю словно стеной остановило, а потом будто ракетой подбросило на несколько ступеней вверх.

Потом крик затих, а Настя замерла, вцепившись в изогнутые металлические перила. Холодный воздух царапал легкие, облапал всю ее с ног до головы, отчего Настя чувствовала себя замороженным полуфабрикатом человека.

И лишь небольшая точка на ее теле, сзади, на шее, чуть повыше выступающего позвонка, огненно пульсировала, словно очаг опасного заболевания.

Белый кружок фонарика так и не возник вновь. Зато Настя услышала уже знакомый ей траурный перезвон – будто бы кто-то пытался запустить громоздкий и ржавый металлический механизм.

– Женщина, – сказала темнота снизу. – Женщина, которая с мокрыми руками, ты еще здесь?

Настя пискнула что-то малопонятное, но ее поняли.

– Женщина, давай выбираться отсюда. Только ты мне помоги немного... Бога ради, помоги мне.

И снова этот мрачный перезвон. Насте не было видно, что происходит внизу, но получалось, что этот умирающий старик каким-то образом отцепился от стены и вот теперь тащит на себе всю свою металлическую паутину, но не оставливается.

Куда делся охранник – лучше было даже не думать.

– Сейчас, – сказала Настя чуть не плача. Жалко ей было не старика, а саму себя, потому что альт и виолончель замолчали в ее голове навсегда, а зимняя идиллия с Михаилом Гарджели сменилась на...

Пока лишь на холодный и липкий страх. Посмотрим, что будет дальше.

13

– Медведь, Медведь, это Маша. Медведь, слышите меня?

– Слышу тебя.

– Медведь, в берлоге какая-то суета.

– А поподробнее?

– Сейчас два часа ночи, а там все окна горят.

– Может, праздник какой?

– Нет там никакого праздника. Они резко повключали свет минут пять назад, как будто там что-то стряслось. Какие будут указания?

– Сейчас... Я с Лисой переговорю.

– Жду.

– Маша, это Лиса. Долго уже продолжается эта канитель?

– Минут пять.

– Ну тогда давай потихоньку выдвигайся на исходную. Понял? Чтобы наблюдать с минимального расстояния.

– Понял. Может, я человека в сад отправлю? Он потихонечку к окнам подберется...

– Маша, у тебя что, крыша поехала? В сад не соваться ни в коем случае!

– Я понял, понял...

– Минут через десять будем у вас.

– Решила согреть нас в холодную зимнюю ночь?

– Козел ты, Маша. Давай делом занимайся, а то я тебя так

согрею, что одни угольки останутся...

Рыжеволосая Лиза-Лиса отключила мобильник и воодушевленно потрепала Покровского по плечу:

– Кажется, началось. Дави на газ, Медведь!

– Как-то мне не по себе, – буркнул Покровский.

– Это временно, – подбодрила его Лиза, заглядывая в записную книжку. – Это пройдет... Так-так, что у нас предусмотрено на этот случай? М-м-м... Студенческий праздник в клубе «Вулкан». Едем.

– Едем, – бесцветно согласился Покровский.

Несколько минут спустя машина резко затормозила напротив входа в клуб. Сквозь тонированные стекла Лиза смотрела на перемещения людей возле дверей «Вулкана». Кто-то курил, кто-то разговаривал по мобильному, кто-то тащил упившуюся девицу к машине.

– Ну, кто из них тебе больше нравится? – промурлыкала Лиза.

– Мне все равно.

– Ну почему ты такой нудный, а? Надо же все это делать весело, с песнями и танцами... Вон тот очкастый как тебе?

– Очкарик как очкарик.

– То есть ты не возражаешь... Ладно...

Хлопнула дверца машины, и Лиза побежала к входу в клуб. Минуту спустя, радостно посмеиваясь, она шагала обратно. За ней едва поспевали двое – тот самый очкарик в дурацком свитере с оленями и высокий темноволосый парень,

про которого Покровский с неприязнью подумал: «Смазливый, гад».

Лиза на ходу болтала всякую чушь про свою никак не заводящуюся машину, очкарик в ответ бубнил что-то автомобильно-компетентное, а красавчик ничего не говорил, а лишь усмехался краем рта, как бы говоря: «Я-то знаю, в чем тут дело...»

Ничего он не знал.

– Вот этот драндулет, – хихикала Лиза, забегая со стороны водителя. – А вот балбес, который ничего не понимает в машинах...

– Что ж поделаешь, – вздохнул Покровский, перебираясь на пассажирское место. – Таким мама родила...

– Сейчас разберемся, – пообещал очкарик, но красавчик неожиданно взял его за плечо и отодвинул в сторону.

– Да, сейчас разберемся, – весомо-снисходительно сказал смазливый и сел за руль. – А где ключи?

Покровский посмотрел на Лизу – та пожала плечами.

– Сейчас достану ключи, – сказал Покровский красавчику. – Вот, держи...

Красавчик потянулся за ключами и словил короткий, но эффективный удар локтем в челюсть. Покровский зажал его шею под мышкой и держал так секунд Двадцать, пока не закончилась возня снаружи.

– Давай его сюда! – Лиза рывком выдернула сомлевшего красавчика из объятий Покровского.

– Эй, эй! – Покровский настороженно повернулся к Лизе. – Ты только не увлекайся...

– Я? – Лиза убрала растрепавшиеся волосы с глаз. – Я... не увлекаюсь... Со мной все... в порядке... – Она тяжело дышала, лицо ее было розовым, словно распаренным. – Я его слегка...

– Лиза, у нас ведь времени нет...

– Только пригублю...

– Быстрее!

Лиза выдернула красавчика из машины, нагнулась над ним... И на секунду коснулась его губ. Красавчик едва заметно вздрогнул. Лицо его стремительно побелело, словно температура воздуха резко понизилась.

Очкарик к этому времени уже не вздрагивал. Он лежал лицом вниз в снегу возле задних колес машины, как отработанный материал, из которого больше не выжать ни капли.

– Лиза...

Никакой ответной реакции.

– Лиза!!!

– Да, – выдохнула Лиза, не без сожаления выпуская из рук голову красавчика. Ее слегка пошатывало. – Я все помню...
Поехали...

Охранник никуда не делся, он спокойно лежал на полу, вытянув руки вдоль туловища. Шею его металлической змеей обвивала длинная цепь – сейчас она с тихим перезвоном сползала с тела, поскольку старик двигался дальше, и все его цепи, все его холодные металлические змеи волочились за ним пугающей свитой. Настя боялась мертвецов, а еще она боялась темноты и страшных стариков в цепях, поэтому она все же подобрала фонарик, выпавший из мертвых пальцев охранника, а свой, вконец подсевший, выбросила.

– Помоги мне.

– Как?

– Руку...

Настя протянула ему руку, и старик вцепился в нее, словно пятью холодными когтями, зажав Настино запястье в неразрываемое кольцо.

При этом старик бормотал:

– Я так слаб... Помоги мне... Покажи выход отсюда.

Если кто тут и был слаб, если кому тут и нужна была помощь, если кому и нужен был выход отсюда, так это Насте.

– Как я вам помогу? Мы же отсюда никак не выберемся...

Старик взобрался на ступеньку, и висящие на нем цепи мрачно звякнули, празднуя это достижение.

– Не выберемся? Разве? Ну хотя бы попробуем...

– Нас поймают! В доме полно охранников... Они ищут меня, они станут искать того, которого вы... – Настя замялась. Все запутывалось сильнее и сильнее. Допустим, Михаил – плохой и освободить заложника – хорошо. Но если заложник сам начинает убивать людей – хорошо ли это? А если это плохо, то значит, что Михаил правильно держал этого старика на цепях? И если старик так легко убил одного человека, значит, он так же легко может...

– Которого я что? – прошелестел старик.

– Убили, – осторожно выговорила она.

– Я немного не рассчитал... Хотел слегка оглушить... А он упал и не встает. Хилая молодежь пошла... То ли дело раньше...

Настя всхлипнула и потянула старика вверх.

– За что вас так? – спросила она, полуоглянувшись. – Что вы такого сделали?

– Ничего я не сделал, невинно пострадал... Погоди-ка.

Настя остановилась, хотела сбросить холодные, цепкие пальцы старика, но те не отпускали.

– Что-то с лестницей... Что-то не так... – озабоченно проговорил старик. – Где выход-то?

– Наверху, – сказала Настя. – Но нас там сразу заметят и...

– Тут еще один выход должен быть. – Старик привалился к перилам, хрипло вздохнул. – Выход прямо в сад... Только я его не вижу.

– Нету никакого другого выхода...

– Как же... Я ведь помню... Я помню...

Настя едва не закричала на старика – еще не хватало удариться в воспоминания! И это в тот момент, когда они застряли как между небом и землей, застряли без всякого представления о том, куда двигаться дальше и есть ли смысл в таком движении... Но она не закричала, она молча установилась в сторону. На ум шли разные оптимистичные мысли. Типа: «Ну, наверное, Миша меня не убьет. Сразу не убьет. Не может. Мы ведь уже два месяца вместе... И что я такого сделала, в конце концов? Просто залезла в подвал, вот и все. Откуда же я знала, что там окажется такое?!» Она наскоро репетировала оправдательные отговорки, потому что знала – очень скоро они ей понадобятся.

– Нет другого выхода? – переспросил старик. Он высоко задрал голову, следуя взглядом за слабеющим лучом фонарика, а Настя также не могла оторвать взор от отчаянно-напряженной шеи, настолько древней и иссушенной, что казалось – вот-вот лопнут артерии и мышцы, надломятся позвонки и голова старика слетит, покатится вниз по металлическим ступеням.

– Нет другого выхода? А это что?!

Неуверенный луч нащупал в нескольких метрах над ними короткий мостик – ответвление от лестницы, которое упиралось в стену. Настя присмотрелась и увидела в стене нечто, похожее на контур двери.

– Она же заколочена...

– Это уже неважно, – заторопился старик. Впрочем, пыла у него хватило ненадолго, и скоро все вернулось к обычной схеме: Настя впереди, а на руке у нее висит подозрительный заложник, гремя своими аксессуарами. Настя делала несколько шагов, потом останавливалась, восстанавливала дыхание и шла дальше.

Когда они дошли до площадки с ответвлением в сторону двери, Настя в очередной раз остановилась. Дверь выглядела скорее как часть стены, нежели как выход отсюда.

Настя вздохнула и снова потащила свою неприятную ношу – надо было продолжать подъем. Однако заложник словно прирос к полу.

– Куда это ты? Вот же выход!

– Там заперто, – сказала Настя. Вообще-то, больше было похоже, что дверь просто выросла в соседние кирпичи.

– Неважно, что заперто... Важно, что выход есть, – шептал старик и тянул Настю к переходу от лестницы к двери. – Ты только что пробила проход в стене, там, внизу, а теперь ноешь...

В этом был резон. Настя резко вытянула руку с фонариком в сторону двери. Вблизи та производила еще более мрачное впечатление и вдобавок пахла каким-то средневековым запахом – так, по предположению Насти, пахли двери пыточных камер, пахли ужасом, холодом и неизбежностью.

Кажется, Настя все делала, как в прошлый раз, вот только результат... Она подошла к двери вплотную, потом да-

же толкнула ее плечом, потом постучала раскрытой ладонью, потом кулаком... Старик скрипуче рассмеялся:

– Иногда старое доброе дерево... лучше всяких фокусов.

Настя сердито обернулась – она тут выбивается из сил, а этот...

– Я ничего не могу с ней сделать! – выкрикнула Настя, забыв о безопасности. Голос задрожал, выдавая Настин страх с потрохами.

– Перестань ныть, женщина. Лучше бы достала мне еще воды...

– У меня нет воды. – Настя с изумлением поняла, что старик подтащил свое тело вплотную к двери.

– Плохо, что у тебя нет воды, – сказал старик. Он помолчал, словно собираясь с мыслями, а потом резко ударил в дверь кулаком.

– Не надо шуметь! – испугалась Настя. – Нас же услышат!

– Всенепременно, – сказал старик и глубоко вздохнул.

Обрывки кандалов грянули одним минорным аккордом, а на Настю пахнуло свежим морозным воздухом: вторым ударом старик пробил в двери дыру.

– Мама, – сказала Настя, попятившись.

– Папа, – передразнил ее старик, ухватился за край дыры и дернул на себя. Дверь поддалась и едва не открылась, но старик не смог развить успех – он рухнул на колени перед дверью. Насте показалось, что он сейчас совсем потеряет сознание и упадет на пол, однако старик сдержался.

Он стоял на коленях и покачивался, закрыв глаза, словно впал в транс, словно произносил молитву... А может, он просто собирался с силами. Настя на всякий случай подошла и дернула дверь. Дверь была именно такой, какой казалась, – невероятно прочной Настя поняла, что ничего с ней старик сделать не сможет.

В этот момент наверху снова хлопнула дверь, лучи фонарика зашарили сверху вниз. Но теперь, судя по топоту, людей наверху было много. И теперь они точно знали, что тут творится. Или нет?

– Настя? Настя! Вы там? Вы живы? Мы сейчас спустимся! Ботинки затопали по лестнице.

– Они сейчас спустятся, – сказала тихо Настя.

На старика это подействовало как допинг. Он заревел, возвысив голос из низкого рыка к высокому оглашенному воплю, едва не срывающемуся в визг... А потом просунул руку в отверстие и дернул дверь на себя. Обломки кандалов дружно сказали:

– Аминь.

Дверь как будто взорвалась посередине, в ней появилась дыра диаметром около метра, и в эту дыру зачарованная Настя увидела покрытые снегом кусты, как будто бы перед нею открылось окно в иной мир. За дверью был сад, и в этот сад можно было попасть, хорошенько пригнувшись и протиснувшись в проломанную дыру. Старик отбросил в сторону выломанные куски дерева и торжествующе проговорил:

– Voila!

По законам здравого смысла после предпринятых усилий этот полуголый и патологически исхудавший пожилой мужчина должен был немедленно умереть. Но здравый смысл явно куда-то отлучился, забрав с собой свои законы.

– Je vous demande, – сказал он даже более живым, чем раньше, голосом и показал на дверь. Настя покачала головой – оставаться здесь было страшно, но и выбираться отсюда в такой компании...

В этот момент сверху на нее свалился один из охранников Гарджели. Он оттолкнул Настю в сторону и оказался между ней и стариком.

– Messieurs. – Старик чуть приподнял руки, зазвенев цепями. Охранник в ответ просто выстрелил ему в грудь. В упор, не целясь. Просто ткнул стволом в грудь старика и несколько раз нажал на курок.

Настя вскрикнула. Потом она вскрикнула еще. И еще.

И в ответ ей закричал охранник, но он кричал совсем недолго.

Между тем снег беспрерывно валился с неба, словно кому-то там, наверху, нужно было срочно заполнить белой липкой массой некую зияющую пропасть, раскрывшуюся где-то на земле. Заполнить, пока не случилось ничего страшного. Чего именно? Кто знает...

– Где вас черти носят?! – Человек, которого Настя знала под фамилией Сахнович, нетерпеливо кинулся к затормозившей машине. – Я же вам сказал...

Лиза неожиданно сложила пополам и принялась истерически смеяться, тыча пальцем в сторону Сахновича:

– О-о... Маша... Вот так Маша...

– Напилась, что ли? – бросил в ответ Сахнович.

– Типа того, – ответил Покровский. – Не обращай внимания.

– Это сложно. – Сахнович подозрительно смотрел, как Лиза, не переставая хихикать, повалилась боком в сугроб и оттого зашлась в смехе еще больше. – Господи, с кем приходится работать... Артем, там у них какой-то переполох, – он махнул рукой в сторону чугунной ограды, за которой едва виднелся особняк. – Я не уверен... Но, кажется, там стреляли.

– Давно?

– Только что. Думаю, надо войти туда и...

– Нет, у нас другой план, – оборвал его Покровский. – Мы стоим здесь и ждем, пока...

– Пусть он идет.

Лиза стряхивала снег с джинсов.

– Что ты сказала?

– Я сказала, – она уже совсем не смеялась. – Пусть он сходит и посмотрит. Если там действительно стреляли...

– Но ты же говорила...

– Пусть идет. Иди, Эдик, – сказала Лиза.

– Хм. – Сахнович поискал на ее лице признаки издевки или еще какого подвоха, но не нашел. – Ну... Ну тогда я пойду. Если что... – Он расстегнул «молнию» на подбитой мехом короткой кожаной куртке и удостоверился, что мобильник во внутреннем кармане. – И если что совсем уж... – Он приподнял полу куртки и показал рукоятку пистолета.

Лиза одобрительно кивнула. Сахнович еще раз подозрительно посмотрел на нее, что-то буркнул себе под нос, но все же полез через сугробы к ограде, кое-как вскарабкался наверх и спрыгнул уже с другой стороны. Здесь он пригнулся, втянул шею в плечи и короткими перебежками стал продвигаться в глубь заснеженного сада. Очень скоро Лиза и Покровский потеряли его из виду.

– Что ты делаешь? – тихо спросил Покровский. – Зачем ты туда его отправила?

– Чтобы узнать, что там происходит.

– Но ведь там... Ты же рассказывала, что...

– Я уже не уверена. Может быть, это просто дурацкие слухи, предрассудки.

– А если нет?

– Вот сейчас и выясним, – бесстрастно ответила Лиза. – Выясним наверняка.

– Ну ты и стерва.

– Я тебя об этом заранее предупредила. Так что нечего презрительно коситься на меня... Лучше помаши Маше ручкой. И надейся, что все кончится хорошо.

– Хорошо для кого?

– Для нас, Тёма, для нас.

– Это невозможно, – ответил Покровский. – Потому что я все больше понимаю, что нет никаких *нас*. Есть *ты* отдельно и *я* отдельно. И я перестаю тебя понимать. А это значит, что я перестаю тебе доверять.

– А ты мне разве когда-нибудь доверял? – улыbnулась Лиза и взяла Покровского под руку. – Напрасно.

В этот момент странный звук прошелестел в воздухе, словно порыв ветра на секунду принес звук далекого роко-чущего океана, только где был этот океан, чьи земли он омывал...

– Что это? – спросил Покровский, отстранившись от Лизы. – Что это было? А?

Лиза не отвечала. Она выставила вперед руки и словно ощупывала пальцами ночной воздух, будто вытягивала из него слова, которые обычное ухо не в состоянии было рас-

слышать.

– Что это было? – Покровский тщетно всматривался в неясные заснеженные контуры за оградой.

– Это был он, – удовлетворенно, нерадостно произнесла Лиза, пряча замерзшие пальцы в карманы.

– Он?

– Старый мерзавец выбрался на волю. Скоро он будет здесь.

– А Настя?

– Понятия не имею.

– Жива она или нет?

– Откуда я знаю?! – раздраженно бросила Лиза. – Я так понимаю, что она раздобыла ключ, спустилась в подвал, нашла нашего друга... И то ли она помогла ему освободиться, то ли он сам ее использовал, чтобы освободиться.

– Использовал?! Как он мог ее использовать?

– Тёма, ты такой наивный... Если человек всю жизнь только и делает, что выбирается из тюрем, подземелий и казематов, то он знает тысячу способов, как использовать другого человека для побега. Знает и умеет ими пользоваться... Минутку.

Лиза достала мобильник, взглянула на дисплей.

– Наша Маша... Слушаю тебя, Эдик. Ага. Ага. Поня...

Она резко отдернула руку с телефоном от щеки, словно трубка попыталась ее укусить. Мобильник оказался в полуметре от лица Покровского, и тот явственно расслышал бью-

щийся в динамике истошный вопль.

Лиза разжала пальцы, и мобильник бесшумно нырнул в снег.

– Доставай контейнер, – приказала она Покровскому несколько секунд спустя. – Скоро он будет здесь.

Покровский поежился. Пожалуй, только теперь ему в голову пришла мысль – а не зря ли он во все это ввязался?

Что-то случилось со временем, не иначе. Только что Настя стояла на площадке перед полуразбитой дверью и чувствовала, как холодный, парализующий страх обвивает ее ноги, скользит вверх по позвоночнику и вползает в мозг с убедительным сообщением, что нет такой силы, которая могла бы сдвинуть ее с места и тем более отправить в этот пролом, в заснеженный сад, в декорацию из белого холода. Тем более в компании освободившегося заложника, который был, пожалуй, пострашнее своих тюремщиков.

Но затем Настя по своей воле бросилась в эту дыру посреди двери, протиснулась, протолкнула своё съезжившееся тело, выпала в снег и перестала на миг дышать от обхватившего ее со всех сторон холода. Как-никак стояла февральская ночь, а из одежды на Насте был лишь халат да тапочки со смешными помпонами на носках. Собираясь в подвал, она на всякий случай поддела под халат тонкую водолазку и шерстяные колготки, но для февральской ночи это было настолько неадекватным нарядом, что ночь могла бы и оскорбиться от подобного легкомыслия.

Настя вскочила на ноги и побежала, но уже через пару шагов остановилась – ноги уходили в снег по щиколотки, а к тому же надо было сообразить, в какую именно сторону стоит уносить ноги. Настя растерянно оглядывалась по сторонам, а

страх уже принял облик нетерпеливого молоточка, который ошалело колотился в груди – давай, скорее, бежим, бежим, неважно куда!!!

И еще через секунду она, наверное, рванулась бы в это «неважно куда», накрепко обхватив себя за плечи, стуча зубами, что твой железнодорожный вагон на стыках, теряя бесполезные тапочки и проваливаясь пятками сквозь ледяную корочку...

Но тут сквозь дыру в двери выбрался еще один человек, и это зрелище окончательно добило Настю. Она поняла, что бежать, в общем-то, бесполезно, потому что от себя не убежишь. Точнее, не убежишь от безумия в собственной голове. Только безумием можно было объяснить то, что видели ее глаза. Галлюцинация имела вид невысказанно исхудавшего старика в лохмотьях и с обрывками цепей на руках и ногах. Их звон сопровождал передвижения экс-заложника, словно маленький невидимый оркестрик, специализирующийся на исполнении унылых мелодий, которые сливались в единую металлическую какофонию – все столь же унылую.

Было странно и страшно видеть, как это мало похожее на человека сочленение костей тем не менее двигается и дышит, ищет подслеповатыми глазами Настю и... И, конечно же, находит.

Ах да, надо еще вспомнить про три пули, которые охранник всадил узнику подземелья прямо в грудь. Настя вспомнила, и ее передернуло от этого воспоминания. А тогда она

закричала от ужаса – когда охранник с жестоким хладнокровием вдавил ствол пистолета в центр слабеющего старческого тела и трижды нажал на спуск.

Но ужасаться надо было не этому. Охранник ждал, когда простреленное тело рухнет, однако этого не случилось. Заложник чуть отступил назад, а потом раздалось непонятное шипение. Через мгновение охранник корчился и орал от боли – из пробитого отверстия в старческом теле брызнула струя то ли пара, то ли какого-то газа, словно узник подземелья был тугим воздушным шаром. Эта струя ударила точно в охранника, окатила его от шеи до паха, разъев сначала одежду, а потом и кожу, а потом и... Но к этому моменту охранник уже перестал кричать и просто лежал неестественно изогнутым подобием человеческого тела. Одежда продолжала дымиться.

Сверху спешно топали ногами другие охранники, старик молча пошатывался над поверженным охранником, но умирать явно не собирался. Настя зажала рот ладонью и выскочила через пролом в двери на морозный воздух. Тошнота и ужас стояли в горле, и шок от ночного холода хотя бы частично заместил шок от только что увиденного убийства.

Бледный свет луны падал на старика, и теперь можно было разглядеть черты его лица, но почему-то у Насти не было такого желания. Она упорно не поднимала взгляда, но по приближению легкого запаха гнили и по хрусту снега под босыми ногами поняла, что освобожденный узник не намерен

от нее отставать.

– Пойдем, – сказал старик и протянул ей руку. Настя отпрянула назад, потеряв равновесие и едва не упав в снег. – Пойдем, – повторил старик. – Теперь-то они тебя точно не пощадят. За... Зафигачат, и вся недолга.

С этой логикой трудно было спорить.

– Я... Я не знаю, куда идти.

Зубы выстучали отчаянную морзянку, и непонятно было, чего тут больше – страха или холода.

– Прямо, – спокойно сказал старик. – Надо идти прямо. Я знаю этот дом, этот сад. Не думаю, что многое изменилось, пока я... Только возьми меня за руку... Иначе не дойду...

Он не без труда нагнулся и зачерпнул снега в ладонь. Подождал, пока тот подтаеет, и не то чтобы съел, а просто затолкал его себе между приоткрытых неподвижных губ. Немного выждав, старик разочарованно вздохнул:

– Уже не помогает... Надо выбираться скорее...

Насте снова, как тогда в подвале, при первой встрече, стало его невыносимо жалко. Она сама взяла старика за тонкое предплечье, позволила на себя опереться. Это было не тяжело, вот только запах, вот только хлюпающий звук, исходящий из развороченного пулями отверстия в груди...

– Пошли, – сказал старик. – Прямо, все время прямо... Тебе тоже надо поскорее выбираться, иначе заморозишься...

Об этом Настя уже и не задумывалась. Она даже не вспоминала о маленьком утолщении внизу своей шеи, о малень-

ком подкожном подарке от майора Покровского, а уж о возможных простудных заболеваниях...

Они шли, точнее, Настя тащила на себе старика, а вокруг почему-то становилось все светлее. Если бы она оглянулась, то увидела бы, как одно за другим загораются окна в огромном особняке, а потом включаются большие круглые фонари по периметру сада, создавая изогнутую световую линию, словно рубеж, запретный для пересечения. Если бы она оглянулась, то увидела бы, как из центрального входа высыпают охранники, рассредоточиваясь по саду и неизбежно приближаясь к Насте и ее ноше. Настя не оглянулась и не увидела этого, но она и без того знала, что останавливаться нельзя, нужно бежать, бежать...

Тут включились установленные на крыше особняка проекторы. Они заворочались, как потревоженные совы, уставили свои круглые глаза вниз, и одному из этих глаз повезло поймать лучом пробирающуюся параллельно главной аллее парочку.

Настя поняла, что дела стали еще хуже, и попыталась ускорить шаг, но то ли старик становился тяжелее, то ли просто сил у нее не осталось.

И в этот момент из-за кустов навстречу ей выпрыгнул какой-то человек, что-то закричал, замахал руками. Настя завизжала в ответ и бросилась назад, но оступилась, потеряла тапочку, едва не рухнула вместе со стариком... Пока она балансировала из последних сил, стараясь удержаться на но-

гах, человек подошел ближе, и Настя вдруг узнала это лицо – узнала и не поверила глазам.

Капитан Сахнович, более живой и здоровый, чем когда-либо, заглянул ей в глаза. Взгляд Сахновича был холодным и жестким, взглядом убийцы, который хорошо знает свое ремесло и не знает мучений совести. Не отводя глаз от парализованной страхом Насти, Сахнович выдернул из-за пояса пистолет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.